

✦ Экспертиза

UDC 101.1

1606-951X.2017.2.2215

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЛЮДИ, СИСТЕМА ИДЕЙ И ИНСТИТУТЫ

**(С.С. Аванесов, А.М. Бекарев,
Ф.И. Гиренок, П.С. Гуревич,
И.И. Докучаев, И.Т. Касавин,
С.В. Комаров, В.А. Конев,
А.А. Кузьмин, А.Л. Никифоров,
А.М. Орехов, К.С. Пигров,
М.А. Пронин, В.И. Разумов,
Ю.М. Резник, В.М. Розин,
О.А. Скоркин, И.П. Смирнов,
С.А. Смирнов, Г.Л. Тульчинский,
В.Н. Щербина)**

Аннотация: Уважаемые коллеги! Предлагаем Вам принять участие в обсуждении некоторых проблем развития современной отечественной философии. Дело в том, что философия переживает сегодня настоящий кризис. Это относится в полной мере и к нашей философии, которая становится всё менее востребованной в институциональном плане (сокращаются учреждения, должности, издания, преподавание и пр.).

*Аванесов Сергей Сергеевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философской и педагогической антропологии Томского государственного педагогического университета (Томск). E-mail: iskiteam@yandex.ru;

Бекарев Адриан Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского научно-исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород). E-mail: adrian.bekarev@yandex.ru;

Гиренок Федор Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: girenok@list.ru;

Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН (Москва). E-mail: gurevich@rambler.ru;

Главная проблема нынешнего кризисного развития отечественной философии состоит в том, что она постепенно превращается в побочный продукт интеллектуального развития общества. Она давно не определяет «повестку дня» так называемой мировой философии, переставая быть тем, чем была раньше – смыслотворческой, мировоззренческой и просветительской деятельностью и превращаясь всё больше в методологический придаток прикладной науки или инструмент политической идеологии.

Редакция журнала «Личность. Культура. Общество» совместно с редакцией журнала «Человек.RU» и Научно-координационным советом по философским проблемам социальной теории ИФ РАН проводят опрос о состоянии современной отечественной философии. Список вопросов отражает наиболее значимые стороны развития философии в России, определяющие её субъектов (персоны), разнообразие идей и направлений (системы идей), институциональный статус (институты), роль в образовании и критерии оценки результатов исследования.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru;

Касавин Илья Теодорович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала «Эпистемология и философия науки» (Москва). E-mail: itkasavin@gmail.com;

Комаров Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь). E-mail: komarov@gmc.edu.ru;

Конев Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Самарский научный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара). E-mail: vakonev37@mail.ru;

Кузьмин Александр Андреевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории, истории и философии культуры Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород). E-mail: 59aak@mail.ru;

Никифоров Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: nikiforov_first@mail.ru;

Орехов Андрей Михайлович – доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии РУДН (Москва). E-mail: orekhovandrey@yandex.ru;

Орлова Эльна Александровна – доктор философских наук, профессор, профессор ГАГУГН (Москва). E-mail: elna.orlova@mail.ru.

Пигров Константин Семенович – доктор философских наук, профессор, профессор Института философии СПбГУ (Санкт-Петербург). E-mail: kspigrov@yandex.ru;

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник ИФ РАН (Москва). E-mail: marpronin@gmail.com.

Разумов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ОмГУ (Омск). E-mail: rvi57@mail.ru;

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество» (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: rozinvm@gmail.com;

Скоркин Олег Алексеевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: oleale@mail.ru;

Смирнов Игорь Павлович – профессор Университета г. Констанц (Германия). E-mail: ipsmirnov@yahoo.com;

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, заведующий лабораторией стратегических и форсайтных исследований и разработок НГУЭУ, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU» (Новосибирск). E-mail: Smirnov1955@yandex.ru;

Тутьчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор НИУ Высшая школа экономики, профессор СПбГУ (Санкт-Петербург). E-mail: gtul@mail.ru;

Щербина Виктор Николаевич – доктор социологических наук, профессор, главный советник директора Института стратегических исследований «Новая Украина» (Украина, Киев). E-mail: s-vn@mail.ru.

В числе экспертов выступили известные российские исследователи, представляющие самые разные регионы страны. В этот выпуск вошли ответы на вопросы С.С. Аванесова (Томск), А.М. Бекарева (Нижний Новгород), Ф.И. Гиренка (Москва), П.С. Гуревича (Москва), И.И. Докучаева (Владивосток), И.Т. Касавина (Москва), С.В. Комарова (Пермь), В.А. Конева (Самара), А.А. Кузьмина (Великий Новгород), А.Л. Никифорова (Москва), А.М. Орехова (Москва), К.С. Пигрова (Санкт-Петербург), М.А. Пронина (Москва), В.И. Разумова (Омск), Ю.М. Резника (Москва), В.М. Розина (Москва), О.А. Скоркина (Москва), И.П. Смирнова (Констанц), С.А. Смирнова (Новосибирск), Г.Л. Тульчинского (ФРГ, Санкт-Петербург), В.Н. Щербины (Киев) и др. Надеемся, что в следующем выпуске этот список пополнится новыми именами.

Abstract: *Dear colleagues! We invite you to take part in discussion of some problems of the development of contemporary Russian philosophy. The fact is that philosophy is in a real crisis today. This applies fully to our philosophy, which becomes less and less in demand in institutional terms (institutions, jobs, publications, teaching, etc. are being reduced).*

The main problem of current crisis condition in Russian philosophy is that it is gradually turning into by-product of the intellectual development of society. It does not define the «agenda» of so-called world philosophy for a long time, ceasing to be what it was before, namely a meaning-constructing, world-orienting and enlightening activity, and becoming increasingly a methodological appendage to applied science or an instrument of political ideology.

The editorial board of «Personality. Culture. Society» jointly with the editorial board of the journal «Human.RU» and the Scientific Coordination Council on Philosophical Problems of Social Theory of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences initiate a survey of the state of contemporary Russian philosophy. The questionnaire reflects the most significant aspects of development of philosophy in Russia, defining its subjects (persons), the diversity of ideas and currents of thought (system of ideas), institutional status (institutions), role in education and criteria for evaluating the results of studies.

Among the experts there are well-known scholars from various regions and institutions. This issue contains answers received from S.S. Avanesov (Tomsk), A.M. Bekarev (Nizhny Novgorod), F.I. Girenok (Moscow), P.S. Gurevich (Moscow), I.I. Dokuchaev (Vladivostok), I.T. Kasavin (Moscow), S.V. Komarov (Perm), V.A. Konev (Samara), A.A. Kuzmin (Veliky Novgorod), A.L. Nikiforov (Moscow), A.M. Orekhov (Moscow), K.S. Pigrov (St. Petersburg), M.A. Pronin (Moscow), V.I. Razumov (Omsk), Yu.M. Reznik (Moscow), V.M. Rozin (Moscow), O.A. Skorkin (Moscow), I.P. Smirnov (Konstanz), S.A. Smirnov (Novosibirsk), G.L. Tul'chinskiy (Germany, St. Petersburg), V.N. Shcherbina (Kiev), etc. We hope that the list will be expanded in the next issue.

Ключевые слова: философия, философы, кризис философии, общество, культура.

Keywords: philosophy, philosophers, crisis of philosophy, society, culture.

Комментарии к вопросам:

А.А. Кузьмин: У меня несколько иное отношение к кризисам в философии, которые фиксируются в предисловии к дискуссии. Действительно, мировая философия много раз оказывалась в ситуации кризиса. Однако кризис в философии — это всегда обновление. Кризис в философии наступает тогда, когда философия становится невозможной из своих глубинных основ. И начинается он с эпохи предкризисного состояния в философии, которая может длиться десятилетиями и даже столетиями без существенного улучшения и понимания сложившейся ситуации.

Главным симптомом этой болезни в философии является потеря предметной ориентации. Никто не может внятно и четко ответить на вопрос: чем должна заниматься философия? В истории философии такими вехами предкризисного состояния философии стали: позднесредневековый номинализм, скептицизм Юма, неокантианство и позитивизм XIX века. Философия Декарта и Канта — это способы разрешения данных кризисов, которые позволили просуществовать философии еще четыреста лет. Последний кризис продолжается до сих пор. Главным симптомом данного кризиса я называю повторяемый как мантра почти всеми философами конца XIX и XX веков вопрос: «Что такое философия?», причем произведения под такими или подобными ему названиями появляются в последнее время с завидной регулярностью. Философы занимаются всем, чем угодно, кроме прояснения для себя вопроса: а почему мы с такой настойчивостью повторяем этот вопрос: «Что такое философия?»

Что касается отечественной философии, то её присутствие в мировом пространстве философии никем и ничем не замечено по причине отсутствия таковой. Отечественные философы всегда появляются на мировой арене как «черт из табакерки» и их дальнейшая судьба уже никак не связана с Россией.

А.Л. Никифоров: Вопросы, связанные с осмыслением современного положения философии в мире и в нашей стране, представляются мне чрезвычайно важными и актуальными. В советскую эпоху марксистская философия служила идеологической опорой государственной власти, была востребована властью и поддерживалась ею. Нынешней власти в России философия не нужна, более того, она может даже казаться ей вредной, ибо воспитывает в людях желание и стремление мыслить, а мыслящие люди не нужны современной правящей элите. Поэтому сейчас философы должны задуматься над тем, как философия может выжить в данных условиях.

О.А. Скоркин: XX век привнес великое множество технических устройств в быт человека, несоизмеримое в предыдущие века. Особенно внушительны изменения в сфере передачи и обработки информации. Переосмысление технологий переработки информации, по-видимому, потребует не один век для восстановления связи передачи культуры от поколения к поколению. На появление таких имен мирового масштаба рассчитывать не приходится.

Вопросы:

1. Можете ли Вы назвать пять крупнейших российских философов мирового уровня, сопоставимых с именами Декарта, Канта, Ницше, Хайдеггера, Делёза, Фуко или хотя бы приближающихся к ним по масштабу мысли? Если нет, то что мешает им появиться? Или мы живём в век медийных персонажей и коллективных идеологических машин? И времена великих гениев ушли? Или этих гениев делают только их последователи, и то спустя много десятилетий после их ухода из жизни?

С.С. Аванесов: Крупнейшие философы, равные Делёзу и компании, в истории отечественной философии, конечно же, имеются: Владимир Соловьёв, Николай Бердяев, Лев Шестов, М.М. Бахтин; и близкие по масштабу тоже наличествуют: С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, О.П. Флоренский, О.С. Булгаков, А.Ф. Лосев.

Однако после культурного погрома, устроенного в России большевиками, мало что осталось от той *атмосферы*, в которой вырастали философы подобного масштаба. Философия всегда существует в определённом культурном контексте, благоприятном для живого развития мысли; в подцензурном обществе, идеологически одно-

образно воспроизводящем себя, реальной философии быть не может, а могут быть лишь допущенные свыше её ложные формы («симулякры» мышления).

В постсоветские годы философия пытается очнуться от долгого обморока и найти себя: происходят, во-первых, собирание обломков отечественной мысли и, во-вторых, попытки освоить наработки западной философии, долго остававшиеся вне поля нашего внимания. Таким вот естественным (или, точнее, противоестественным) образом нынешняя отечественная философия прочно встала в позу пересказа современных иностранных и прошлых отечественных достижений и превратилась в музей чужих идей.

К подлинной философии имеют какое-то отношение или многообещающие, но не реализованные заявки и заделы отдельных философов, или «маргинальные» формы мышления на границах философии, теологии и культурологии. А тут и новые виды цензуры подоспели: «политкорректность», «толерантность», «прогрессивность», «современность» и прочие в том же роде. В такой ситуации философия может расти не из атмосферы (которой всё ещё нет), а из личного упрямства персон, претендующих на формирование этой атмосферы.

Что касается медийных персонажей и коллективных идеологических машин, то их наличие — не приговор для философии, а предмет осмысления с её стороны. Но если философией овладевает «система», «мода» или «мейнстрим», то она погибает, растворившись в этих стихиях. Только критическая дистанция по отношению ко всему (в т.ч. и к «актуальному» статусу философии) удерживает философию от распада.

Конечно, гениев «делает» отношение к ним; и очень хорошо для гениев, что их слава приходит не к ним, а к той стране, в которой они когда-то жили, к их потомкам и последователям. К слову, когда вопрос о гениальности задан философу, последний вправе думать: может быть, я тоже гений, но пока — живой и неявный? Глядишь, после смерти и я войду в число «философов мирового уровня». Вот и я, бывает, так думаю.

А.М. Бекарев: Сопоставимых фигур нет (из-за коллективных идеологических машин (пример — судьба Н. Вавилова). Яркие и самобытные есть — особенно космисты, но можно добавить советских Ильенкова, Кагана, Давидовича, Руткевича (М.Н.). Возможно, лишь «русскость» их сделала несопоставимыми (и прямо противоположные примеры — Н. Бердяев, П. Сорокин, Г. Гурвич).

Ф.И. Гуренок: Тема дискуссии интересна тем, что в её названии стоит слово «отечественная» философия. Почему не стоит слово «русская»? Потому что, видимо, так удобно, так можно никого не обидеть, никого не задеть. Как будто философия когда-то присягнула безвидной идее толерантности. Но философия не толерантна. Истина не коммуникативна. Философия — это даже не наука о бытии, как думают на кафедрах философии, и не наука о мире. В ней не нужно согласовывать то, что ты думаешь, с тем, что кто-то думает иначе. Философия — это разговор с самим собой без согласования результата этого разговора с другими.

Старый Кант говорил, что философия — это наука о внутренних принципах выбора между разными целями. Мне нравится эта мысль о внутреннем. Между тем, современная философия утратила это понимание философии и стала какой-то «нефилософией». В свою очередь, Гегель полагал, что философия — это наука об изнанке мира. То есть это — особая наука. И Хайдеггер был с ним согласен. Но и это понимание не удержалось в современной философии.

Философия сегодня находится в жалком состоянии. Почему в жалком? Потому что она очень хочет выглядеть, как наука, не являясь наукой по существу. Философия погрузилась в мир видимостей и кажимостей. Сегодня все, кому не лень, пытаются её преодолеть. Особенно стараются преодолеть философию ученые. Биологи пытаются преодолеть философию в понимании жизни, нейрофизиологи – в понимании сознания, антропологи – в понимании человека. Даже искусство (Дюшан, Кошут, де Кирико) пытаются преодолеть философию в искусстве. В результате мы видим, как происходит примитивизация мышления, которое ничего больше не находит ни в метафизике, ни в трансцендентализме, ни даже в феноменологии. Наука – это теперь, на мой взгляд, не символ прогресса и творчества, как это было раньше, а символ закосневшего мышления, которое не нашло ничего другого, как вступить в борьбу с философией.

Если говорить об отечественной философии, то нужно признать, что она у нас бывает разной. В ней имеются марксисты, феноменологи, экзистенциалисты, приверженцы онтологии нестабильности, поклонники французской философии, немецкой и даже англо-американской, хотя США никогда не были страной, экспортирующей философию. В отечественной философии не присутствует, пожалуй, только русская философия.

Можно ли назвать пять крупнейших российских философов мирового уровня? Конечно, можно. Но я хочу напомнить об известном письме А. Лосева своему другу А. Мейеру, в котором он критически отзывается почти обо всех философах мирового уровня. В свою очередь, о самом Лосеве высказался Флоренский, назвав его «рефлектором». Что это значит? Это значит, что сам по себе он темен, но какие-то внешние лучи попадают на него, и он их отражает и далее опять стоит темным. Лосев, говорит Флоренский, не светит своими идеями. Однако и о самом Флоренском многие сегодня говорят, как о мыслителе, который нуждается в мыслителе-доноре.

А Иван Ильин, рассуждая о Флоренском и Булгакове, говорил – «помелом их», брандспойтом. За что? За то, что не умели отличить дух от пола, за оправдание гомосексуализма, за духовный гной. Нашлась управа и на Ильина. Многие отшатнулись от него за оправдание фашизма. Тем не менее, в русской философии, на мой взгляд, и сегодня есть первоклассные имена: Б. Поршнев, Ю. Бородай, Г. Щедровицкий, Э. Ильенков, М. Мамардашвили.

П.С. Гуревич: Я бы счел возможным назвать пять крупнейших русских философов – А.Ф. Лосева, В.В. Бибихина, В.С. Библера, М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева. Русский философ К.Д. Кавелин интересно рассуждал о том, что появление новых направлений в философии и крупных мыслителей – всегда загадка. Некоторые философы обретают масштабность под влиянием революционных событий (Н.А. Бердяев), преследований со стороны власти (А.Ф. Лосев), в силу диктаторского режима (М.М. Бахтин). А В.В. Бибихин гонениям не подвергался, титулов не имел, трудился незаметно и скромно, но его можно сегодня по праву назвать великим русским философом. Медийность и коллективные идеологические машины не помешали Ж. Бодрийяру стать известным философом. Всегда кажется, что времена великих гениев ушли. Но ведь в свое время фуги Баха приняли как недостойные того великого предназначения, которое предполагалось церковью.

И.И. Докучаев: Думаю, что с именами Рене Декарта и Иммануила Канта некого сопоставлять. Это были целые эпохи в истории не только философии, но и культуры.

С именем Декарта можно связать начало всей эпохи Нового времени, а с именем Канта — эпохи позитивизма.

Остальные фигуры — результат моды на ту или иную интеллектуальную традицию. И в России есть философы, сопоставимые с ними по роли в том или ином модном тренде. Назову Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Льва Шестова, Михаила Бахтина и Юрия Лотмана.

Мне кажется, что сегодня уже не будет имен уровня Декарта и Канта ни в отечественной, ни в мировой философии. Это объясняется мощнейшим развитием позитивной науки и вытеснением философии в очень узкую предметную область — сферу интроспективного описания сознания. Если раньше философия воспринималась как наука о бытии, то теперь стало понятно, что бытие и сознание мало отличаются друг от друга, но вместе с тем экстраспективное описание сознания в когнитивных науках обладает гораздо большими перспективами и предметным богатством. Исследование форм бытия (или структур квалиа, или интроспективного опыта) — чрезвычайно важное дело, но оно мало что способно определить в структуре наших представлений о мире и способах его познания, хотя и будет оказывать влияние на прояснение этих знаний.

В России философия никогда не играла существенной культуртрегерской роли. Эта роль принадлежала религии и идеологии. Поэтому художественная литература, политика, религиозная практика определяли сознание людей и их культурные симпатии. Русский человек более эмоционален, и менее рационален, чем западноевропейский, включая сюда греко-римскую античность эпохи классики. Поэтому мы всегда предлагали миру великих писателей и художников, диктаторов и святых, даже позитивных ученых, но не великих философов. Сегодня же это сделать не в состоянии не только мы. Однако в области модной интеллектуальной деятельности такие фигуры из России вполне в состоянии появиться.

И.Т. Касавин: Имена в вопросе отобраны тенденциозно, проигнорирована аналитическая философская традиция полностью: Рассел, Витгенштейн, Поппер, Куайн, Дэвидсон, Патнем. Они разве не являются выдающимися философами? Имена Г. Шпета, М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенкова, Г.П. Щедровицкого, М.К. Петрова представляют российскую философию ничем не хуже, чем последние.

С.В. Комаров: Могу назвать только имена А.А. Зиновьева, Г.П. Щедровицкого и М.К. Мамардашвили. Могу также обосновать, почему, а именно: какие идеи ставят этих мыслителей в ряд философов действительно мирового уровня. Однако, дело не столько в их идеях, сколько в их жизни как личностном воплощении философии поступка. Проблема, однако, в том, что мы действительно живем в век развития медиа и гигантских идеологических машин, для победы над которыми недостаточно личностных волевых и интеллектуальных качеств. Нужны мощные машины мегамышления; человек должен быть сильнее социальных систем. Однако, мне кажется, что сегодня это уже утопия: современные медиа «парадируют» любую идею, современная техника редуцируют всякое личностное начало (в том числе — и начало философии). Момент упущен. В этом смысле времена гениев ушли, поскольку для них нет пространства в современных социальных системах.

В.А. Конев: Сопоставимых с Декартом, Кантом, Ницше, Хайдеггером, Делезом, которые открывали новые горизонты в философии — нет. Их нет сейчас и в других

странах. А вот сопоставимых с Фуко — есть. Думаю, что В.С. Степин, А.В. Смирнов, В. Подорога, М.К. Петров, В.С. Библер, М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили сопоставимы вполне. Да и другие, наверняка, есть.

Мешает появиться философам типа Декарта-Канта то, что наше страна является периферией мира. Думаю, что из названных Вами философов Делёз как раз тот мыслитель, который начал новую философию. И вы правы, что те последователи, которые сейчас идут в русле его мысли, сделают его гением, сравнимым с теми, кто в вашем списке стоит перед ним.

А.А. Кузьмин: Сопоставимых с первыми тремя именами, указанными выше, назвать не могу, поскольку эти философы продлили существование философии на несколько столетий и без их участия человечество уже давно бы занималось приготовлением себя к смерти. Если же брать только три последних имени, то масштаб сопоставимости становится другим, а гениальность, медийность или идеологичность не способны повлиять на мой выбор. Я бы назвал следующие имена: М.М. Бахтин, Э.В. Ильенков, Е.С. Линьков.

А.Л. Никифоров: Такие люди, как Декарт или Кант, рождаются редко. Что касается остальных, то в советский период нашей истории в СССР было немало философов, вполне сопоставимых с Делезом или Фуко. Я легко могу назвать десяток имен философов, которые в свое время не только стояли на уровне мировой философской мысли, но и значительно превосходили многих из тех зарубежных мыслителей, которых ныне с почтением цитируют и превозносят. В.Ф. Асмус, Т.И. Ойзерман, А.Ф. Лосев — крупнейшие историки философии; Э.В. Ильенков, С.Т. Мелюхин, П.В. — Копнин, В.Ж. Келле и многие другие были глубокими и оригинальными мыслителями. Они не приобрели мировой известности в силу чисто внешних обстоятельств: советские философы писали свои труды по-русски, а в философии языковой барьер часто оказывается непреодолимым. Что касается современного положения в мировой и отечественной философии, то, по-видимому, верно, что за последние 20–30 лет здесь не появилось каких-то крупных имен. Но попытка объяснить это потребовала бы слишком много места.

А.М. Орехов: Лосев, Бахтин, Ильенков — точно, но, может быть, еще Мамардашвили, Щедровицкий и Чанышев. Гении всегда были не востребованы в России. Но к этому надо относиться спокойно. Такая страна, — проще самому стать трижды гением, чем переделать Россию. В философию и в науку же вообще идут не за земной славой, а за чем-то другим. Сказать сейчас, что времена хуже, чем, например, в 1937–1938 гг., это неверно. Сейчас они намного лучше, чем тогда. Уж по крайней мере не расстреливают за инакомыслие и гениальность, а это уже — шаг вперед. Хотя бюрократия, авторитарность и отсутствие достойного философов финансирования, конечно же, мешают философии двигаться вперед.

Э.А. Орлова: В России философия, а, следовательно, философы отсутствуют, поскольку в рамках культуры доминирует партикуляризм в так называемой профанной зоне социокультурного пространства и внерациональная вера — в сакральной. К рациональным обобщениям в этой культуре отсутствуют навыки и привычка.

К.С. Пиэров: Понятие «масштаб мысли» нуждается в особом определении. Кроме того, культуры сопоставимы лишь метафорически. С французской точки зрения, верней всего, Пушкин предстает как второстепенный подражатель Парни, а для русской культуры он «наше всё». Так же и в философии.

Тем не менее, вот пять (или восемь?) крупнейших наших философов. К примеру: Г.С. Сковорода, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.С. Аверинцев, Э.В. Ильенков, Г.П. Щедровицкий и др.

Никакого «века медийных персонажей» и «коллективных идеологических машин» не существует, или эти века существовали всегда, скажем, век Платона, Фомы Аквинского или Вольтера. Времена великих гениев уйти не могут хотя бы потому, что сами великие гении создают «свои века».

М.А. Пронин: Я могу назвать своих выдающихся современников! Они, конечно, на краю мысли мейнстрима философии России, Запада и Востока. Но они все — наши современники.

Малюта Александр Николаевич (СССР, ныне Украина) живёт и здравствует: разработчик системных методов третьего поколения, как он их определяет, названных инвариантным моделированием на основе теории гиперкомплексных динамических систем. Философия без методов формализации, алгоритмизации, моделирования и ЭВМ-реализации развиваться не будет: ни сегодня, ни завтра.

Фролов Иван Тимофеевич (1929-1999) — философ действия и организации, заложивший постнеклассическую организационную инфраструктуру наук о человеке: институт, журнал, коллектив, разрабатывающий проблему комплексности и междисциплинарности на парадигматическом (!) уровне вокруг трансдисциплинарной проблемы, ситуации. У этого института гиперобъекты: производство социального благополучия, миротворческое дело, развитие человеческого потенциала, онтология внутреннего пространства человека. И.Т. Фролов создал организационную инфраструктуру научных институций будущего, хотя этого никто сегодня не видит и не понимает. Философским усердием в этих вопросах только разум превозмочь можно: в существующей инфраструктуре философии эти проблемы не решаемы.

Гуревич Павел Семёнович (Москва) — выдающийся современный философ-энциклопедист, открывший двери в мир философии огромной массе не-философов! И своего у него не мало, что общеизвестно, это, конечно же, человек в мейнстриме всего, что касается философской антропологии, но я хочу именно эту черту его дарования и творчества подчеркнуть. Она редкая.

Носов Николай Александрович (1952-2002) — родоначальник виртуалистики и основоположник экспериментальной философии: его психологические эксперименты подтверждали не психологические гипотезы, а мировоззренческие представления об «устройстве» внутреннего человека. Никакая психология и философия без понимания структуры постнеклассического субъекта из схемы теоретической рациональности «никуда не поедет». Разве что под горку.

Пржиленский Владимир Игоревич (Москва, Ставрополь) — человек, который своей философией юридической науки меняет её рельеф.

Полатайко Сергей Васильевич (СПб) — редчайшего философского восприятия и мышления человек.

Конечно же, Чеснов Ян Вениаминович (1938-2014) — крупнейший современный, во многом недооценённый, философ-антрополог и этнолог. Достаточно посмотреть на перечень его неизданных рукописей. Так, рукопись его книги в 113 машинописных страниц «Очерки этики чеченцев» (соавт. С.-М. Хасиев), написанная в 1995 г., по известным историческим обстоятельствам тех лет до сих пор не издана.

В своё время российский учёный Я.В. Чеснов проявил гражданское мужество, выступив в защиту чеченского народа («Чеченцем быть трудно. Тейпы, их прошлое и роль в настоящем.» // Независимая газета, 22 сентября 1994. № 181). Сегодня требует защиты его архив. Но ни в один институт Российской академии наук его архив из-за своего масштаба и полифонии «не влазит» ... Парадокс философа: человек в институте философии работать может, а институт с его наследием — нет!

Нужно сказать о не-философе, но человеке, решающем философские проблемы психологии. К слову это — один из немногих психологов, и у нас, и в мире, — Забродин Юрий Михайлович.

Я специально не стал называть имена «очевидных» коллег: Владислав Александрович Лекторский, Владимир Иванович Аршинов, Елена Аркадьевна Мамчур, Валентина Гавриловна Федотова и др.

В.И. Разумов: Таких имен я назвать не могу. Да, я соглашусь с мыслью о значительной роли медийных персонажей и идеологических машин в современном обществе. Однако в феномене «недостатка гениев» стоит учитывать такие обстоятельства: перепроизводство интеллектуалов, в частности, гуманитариев; тематическая исчерпанность философской традиции, длящейся от «осевого времени» по начало XXI в.

Ю.М. Резник: Среди современных отечественных философов чаще всего называют имена тех мыслителей, которые относятся к советской эпохе. Это — бесспорная десятка, признанная большинством экспертов, в т.ч. М.М. Бахтин, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, Ф.А. Лосев, В.С. Библер, А.А. Зиновьев, В.В. Бибихин, Ю.М. Лотман, М.К. Петров.

Нынешнее племя философов, возможно, ещё не проявило себя, хотя имеются оригинальные идеи и концепции. По-видимому, большое видится на расстоянии. Пройдет время и историки впишут новые имена отечественных мыслителей в анналы философии. А пока можно назвать лишь несколько десятков талантливых исследователей, которые трудятся в разных областях философского знания. Мне повезло, что я оказался среди многих из них, работая в Институте философии РАН.

Назову лишь тех, кто сегодня бесспорно являются лидерами философского сообщества в крупнейших городах страны, в т.ч. по индексу цитируемости: Москва (В.С. Степин, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, П.С. Гуревич, П.П. Гайденко, В.М. Розин, Е.Н. Князева, А.С. Ахиезер, В.Г. Федотова, А.А. Гусейнов, Н.И. Лапин, Б.Г. Юдин, В.В. Ильин, А.П. Огурцов, В.М. Межуев, С.С. Хоружий, И.Т. Касавин, В.Ж. Келле, Н.В. Мотрошилова, Ф.И. Гиренок и др.), Санкт-Петербург (М.С. Каган, Б.В. Марков, К.С. Пигров, Г.Л. Тульчинский и др.), Новосибирск (Н.С. Розов, С.А. Смирнов, В.С. Диев, В.В. Целищев и др.), Екатеринбург (В.Е. Кемеров, Л.Н. Коган, А.В. Перцев и др.), Ростов-на-Дону (Т.Г. Лешкевич, Г.В. Драч и др.), Владивосток (И.И. Докучаев, С.Е. Ячин и др.), Нижний Новгород (В.А. Кутырев, А.В. Дахин и др.). В то же время я согласен с И.Т. Касавиным в том, что такие группы философов складываются не по региональному признаку, а по корпоративной принадлежности и определяются их отнесенностью к профессиональным институциям и сообществам.

В.М. Розин: Мне кажется, вопрос поставлен неправильно. Раньше и философия была другая, и крупные имена в философии часто проявляются лишь значительно позднее, после смерти носителей этих имен. В настоящее время философия опирается на разные научные дисциплины и, практики, собственный вклад философов не так очевиден, требуется специальный анализ, чтобы его понять.

Думаю, гении есть и сегодня, они всегда налицо, только, чтобы гений показал себя, раскрылся в качестве гения, нужны особые условия. К примеру, Галилей мог появиться, когда сложились определенные условия (новое понимание природы, а также работы Архимеда, Н. Орема и Н. Кузанского; см. только что вышедшую книгу: [6]). Наконец, чтобы серьезно отвечать на подобные вопросы в настоящее время, нужны специальные методологические и науковедческие реконструкции.

О.А. Скоркин: Что касается отечественных имен, не следует забывать, что выход на мировой уровень в системе науки и образования — это уже достижение. Остальное достигается за счет изобретательности и находчивости (в математике и физике у нас есть кем гордиться — Остроградский, Чебышев, Марков, Колмогоров, Келдыш и пр.). По части гуманитарного знания и образования — у нас всегда с этим было слабо.

И.П. Смирнов: В России не было философов, равных по революционному вкладу в мышление Декарту, Канту и Ницше. Из французских постмодернистов я бы поставил в ряд с названными философами (где Шеллинг, Гегель, Маркс?) прежде всего Жака Деррида. Если русская философия и бывала решительно новаторской, то в принципиально нереализуемых — подрывающих себя — проектах (вроде воскрешения отцов, которым Николай Федоров рискнул заменить религию человечества Огюста Конта). Воздействие русской философии на западноевропейскую оказывалось, как правило, не слишком длительным (можно вспомнить в этой связи о не выдержавшем испытания времени авторитете Николая Бердяева и Льва Шестова).

Одним из самых влиятельных отечественных мыслителей стал Александр Кожев, но в качестве толкователя Гегеля, а не как создатель оригинальной доктрины. Некоторое исключение из сказанного — Михаил Бахтин, действительно завоевавший интеллектуальный рынок Запада. Я не думаю, что философия в наши дни вышла из употребления, как бы ни была сильна докса электронной коммуникации (всех со всеми). В качестве, например, политфилософии (Ален Бадью, Славой Жижек и др.) умозрение по-прежнему притягивает к себе публичный интерес.

С.А. Смирнов: Забегая вперед, скажу, что сделать, сконструировать можно, действительно, медийный персонаж. Но великого философа не слепить. Невозможно «сделать», надуть из обычного преподавателя философии великого философа, да и просто философа. Природа мысли будет сопротивляться. А вот что такое масштаб мысли философа и что есть философ мирового уровня — это вопрос не праздный. И он относится не к конъюнктуре и моде. Он относится к онтологическому окаянству мыслителя. И. Кант в свое время разводил понятия школьной и мировой философии. У нас много школьных философов, но мало мировых, потому что на окаянство, т.е. на то, чтобы выполнить свое предназначение, отдать себя в жертву, как в древнем ритуале жертвоприношения, сгореть в огне божественной мудрости — не каждый ответит. И это не оценка. Это просто нормальное человеческое желание сохраниться. Но именно нормальное. Потому что мыслить об онтологических пределах — вещь не нормальная, т.е. не обязательная. Поэтому и великих философов не так много, и это тоже объяснимо.

И среди философов в России (кстати, русский философ — странное сочетание, как и сочетание немецкий, французский, ведь Р. Декарт писал на латыни свои «Медитации», а П.Я. Чаадаев свои письма писал на блестящем французском) были прецеденты онтологической жертвы. Это — П.Я. Чаадаев, П.А. Флоренский, Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, Э.В. Ильенков. Из «последних» я бы назвал В.В. Бибихина.

Из ныне живущих называть не буду. Но не потому, что сделали меньше. А потому, что масштаб философа оценивается потом, после его жизни, степенью предельности мысли, степенью его жизненного, биографического окаянства и экзистенциальной жертвенности. Но не фанатизма. А это видится на расстоянии.

Г.Л. Тульчинский: Если включить XX в., то это М.М. Бахтин, только сейчас заново открываемый на Западе, где его с подачи Ю. Кристевой восприняли как структуралиста. Да и у нас его рецепция имела обратный характер: от работы о Рабле — к философии поступка. Только с самого конца прошлого столетия младший Бахтин предстает глубоким метафизиком нравственности, сопоставимым с М. Хайдеггером, М. Бубером, Э. Левинасом. А крылья у имеславцев, Г.Г. Шпета подрезали.

В.Н. Щербина: Не могу назвать — не пользуюсь категорией «национальные философы», поскольку придерживаюсь известной точки зрения, что у нас «одна родина — небесная». Возможно, не очень слежу за российским академическим небосводом, возможно, от того, что он, небосвод, на котором сияли эти звезды, еще заполнен заревом уходящей эпохи. Общество пытается жить так, как жило раньше, прикрываясь идеологическими лохмотьями, иногда совсем уж архаическими. Совы Минервы начинают просыпаться.

Начинается новый период, историческое время сегодня лишь проблематизируется и все находятся в одинаковом положении не-ведающих (в т.ч. и «выдающиеся западные философы»). Целостность мира, созданного во второй половине XX века (жизненные миры и социальные институты) рушится уже очень явным образом, и философы становятся необходимыми — поскольку философия — это, прежде всего, способ удержания целостности как динамической стороны процесса жизни человечества (историческая преемственность), так и его статической стороны (общества как системы). Но эта ситуация лишь начала проблематизироваться — до последнего времени убеждение о наличии твердого знания о реальности не покидает светлые головы всякого рода общественных активистов.

Философ сегодня — скорее тот, кто знает, что он не знает, чем тот, кто убежден в знании. На это нужно решиться, что очень сложно — вспомните Будду, которого от проникновения к истине на последнем этапе удерживала иллюзия, Майя. Нам предстоит погрузиться в глубину собственного незнания (то есть проделать критическую работу) и через отрицание выработать новое полагание. Процедура называния выдающихся философов — продукт Нового времени и связана с необходимостью воспроизводства идеи общества. На определенной стадии фигура философа выглядела как занимающего значимую (высокую или низкую — в элите или контрэлите) статусную позицию в политике и связанной с ней академической среде.

В условиях массового общества («общества спектакля») с присущей ему механикой массовой культуры предполагается фигура философа в двух вариантах — либо как «звезда», либо как «режиссер». В актуальных событиях на роль первого может подходить Дугин, вторых, по определению, знать участникам невозможно — поскольку авторы и режиссеры общественных драм не участвуют в их разыгрывании, в лучшем случае, появляются в эпизодической роли — как Рязанов, у которого в самолете спал на плече главный герой новогоднего кино. Времена великих гениев не ушли — поскольку никогда и не приходили, гении делают времена — и последователи лишь завершают процессы, созданные гениями. А это тоже важная работа — завершить процесс и дать возродиться Фениксу.

2. Бытует мнение, что философия – это то, чем занимаются философы. Но то, чем они занимаются, можно назвать производством идей, концептов и конструктов, описывающих и объясняющих мир сквозь призму всеобщего. Так считают многие исследователи, хотя далеко не все из них. Насколько, на Ваш взгляд, применим парадигмальный подход к развитию отечественной философии? Другими словами, существуют ли в ней парадигмы как способы постановки и решения проблем? Или речь идёт о крупных исследовательских программах, которые объединяют сторонников базовых идей, делая их единомышленниками и соратниками? Что лучше использовать в качестве критерия выделения основных направлений развития философской мысли в России – парадигмы или программы? Что ещё, укажите.

С.С. Аванесов: Единомышленники в философии – что-то странное и, по-моему, невозможное. Для философии имеет значение разномыслие, продуцирующее новые «идеи» и «концепты». Даже цитирование в рамках одной философской работы призвано обнаружить разномыслие, образовать полемическое поле, а не продемонстрировать полное согласие. Постановка проблем в философии всегда оригинальна: так удивиться миру или так возмутиться им могу только я и больше никто.

Поэтому говорить о «парадигмах» философского мышления можно только условно, в неточном смысле термина. Что касается «программ», то в условиях почти полной «институционализации» философии эти программы выглядят как формы добывания средств к существованию путём приспособления к требованиям администраций, фондов и министерств. Такая «программная» философия (как, впрочем, и наука) становится почти полностью беспринципной, а современный российский философ мечется между личной философской поэзией и вынужденными заявками на гранты.

Поскольку при этом объём философской «продукции» постоянно и необратимо растёт, постольку овладеть ею становится всё менее возможно. Одно из очевидных следствий такого положения дел состоит в том, что философия будет всё дальше уходить от «института» и даже от «традиции» в сторону подчёркнуто авторского стиля (или стилей).

А.М. Бекарев: Ответ – не парадигмы или программы, а личности... Отечественная философия и наука глубоко личностна.

Ф.И. Гуренок: Применим ли парадигмальный подход к философии? Может быть, применим, но это не имеет никакого значения. Время философии прошло, потому что прошло время сознания. Наступило время языка. На место сознания стал интеллект. Интеллекту нужны знания, философу нужны смыслы. Философы давно перестали производить концепты, их объяснения мира никому сегодня не нужны, они не нужны даже студентам и обитателям Фейсбука. Нет в мире никакого «всеобщего», которое было бы доступно только философам. Все доступно всем. Философы сегодня слишком рациональны и объективны, они понятны до того, как начнут говорить, им не хватает субъективности и дерзости существования на грани безумия.

П.С. Гуревич: Парадигма – все-таки понятие, взятое из сферы науки. К философии оно применимо весьма условно. Философы далеко не всегда объясняют мир через призму всеобщего. Сегодня, к примеру, деконструкция частности может оказаться более продуктивной, чем создание парадигмы. Научная картина мира складывается медленно, идет мучительное заполнение пробелов. Не стало ли слово «парадигма» затасканным без всякого повода?

Зачем отечественной философии некая парадигма? Парадигмальным было мышление Аристотеля. Но в наши дни часто отмечают, что присущая ему всеохватность научной картины не только содействовала развитию философии, но и задала ей опасный вектор. Философские программы возникают, как правило, неожиданно. Кто при Гегеле мог помыслить философию жизни? Когда чиновники стали претендовать на руководство наукой, мы отчаянно протестовали против их диктата. Но их мышление неожиданно проникло в философские умы и теперь мы грезим о парадигмах, программах. Опасное оболщание...

И.И. Докучаев: Мне думается, что в истории философии никогда не было ни парадигм, ни программ. Эта терминология заимствована из сферы позитивной науки. Парадигм здесь не может быть потому, что каждый философ описывает свой собственный мир, ищет основания своего знания заново. Парадигмы же Томаса Куна — специфический признак эмпирического и интересубъективного знания.

Понятно, что и философия, и позитивная наука оперируют некоторыми всеобщими понятиями, но они это делают по-разному. В первом случае их смысл каждый раз воссоздается, а во втором случае — создается только однажды, а затем уточняется. Научно-исследовательские программы Имре Лакатоса — ещё менее удачный термин для описания истории философской работы. Если даже начало её невозможно рассматривать как социальное явление, то тем более сложно это сделать по отношению к развитию той или иной концепции. Такое развитие всегда приводит к отрицанию, но не к уточнению или дополнению.

И.Т. Касавин: Понятие парадигмы может быть расширено для понимания философии и гуманитарных наук, но в этом нет смысла. Скорее, можно говорить о стилях мышления (сциентистский — антисциентистский, наукообразный — беллетристический, эзотерический — экзотерический), подходах (интерналистский — экстерналистский, фундаментальный — прикладной, страноведческий — интернациональный, дисциплинарный — междисциплинарный), тематических пространствах, не совпадающих полностью с дисциплинами (эпистемология и философия науки, история философии, социальная и политическая философия, философия религии и пр.). В той мере, в которой философия приближается к конкретной науке или эзотерической практике какого-то специального течения (логике, языкознанию, истории, психологии), в ней могут образовываться «парадигмоподобные» структуры.

С.В. Комаров: Мне представляется, что сама постановка вопроса не совсем верна. Парадигма — это общий взгляд на природу проблем какой-то научной области, определяющий способы постановки и решения этих проблем. Программа — это конкретный способ решения научных проблем. Парадигмы — это общие основания, которые рефлексированы; программы — это то, что проектируется. В этом смысле, программы всегда создаются в рамках какого-то парадигмального подхода. При рефлексии мы можем обратиться к парадигмальным основаниям нашего подхода и пересмотреть их; однако такой пересмотр осуществляется в форме анализа и обоснования новых оснований, а не программы действий. Программа действий строится на основе уже выбранных и обоснованных оснований. Короче говоря, парадигмы не программируются. Но в рамках одной парадигмы могут быть развернуты разные исследовательские программы. Поэтому в качестве критерия выделения основных направлений развития философской мысли могут использоваться и парадигмы, и программы.

В.А. Конев: Думаю, что парадигмы – это глобальное состояние философской мысли. Это – онтологическая парадигма античности и средневековья, гносеологическая парадигма Нового времени, антропологическая парадигма Новейшего времени (начиная с Ницше и в XX веке развивающаяся).

Парадигма определяет направленность движения философской мысли. Это – план имманенции, как писали Делёз/Гваттари (кстати, они тоже говорят о трех таких планах). Старые парадигмы не сходят со сцены, когда зарождаются новые состояния философии, а как-то модифицируются. Но это уже проблема историко-философского исследования. Возможно, что сейчас формируется новый вариант парадигмы философской мысли, и Делёзовское направление мысли на это указывает. Здесь в центр внимания философии выходит проблематика созидания, событийности, начала, рождения.

Думаю, что понятие «программа» исследования более узкое, чем парадигма, а потому программы могут существовать внутри парадигм.

А.А. Кузьмин: Мнение о том, что философия непосредственно связана с духовным производством и тем самым продуцирует идеи как товар, восходит к марксизму. Однако сам Маркс отрицал возможность «конвейерного» производства идей, поскольку «истина, ставшая практической истиной, является продуктом исторических условий и обладает полной значимостью только для этих условий и в их пределах» [3, 43; 2, 41].

Что же касается конструирования, концептуализации и обобщения в виде идей, то эти процедуры непосредственно не связаны с конкретно-историческим мышлением и не могут рассматриваться как чисто философские виды деятельности. Конкретно-всеобщее по содержанию продуцируется субстанцией-субъектом, т.е. живым духом, философ же лишь занимается «этой согласованностью примирения самосознательного разума с сущим разумом, с действительностью» [1, 89].

И если философу удастся найти такое согласованное примирение триединства разума и духа, то для него наступает момент высшей радости открытия. Поэтому проецирование на философию научной методологии всегда приводит к искажению смысла. Философия всегда персоналистична и коллективные формы деятельности в ней не приживаются. Только сверхфилософ может назвать «основные направления развития философской мысли», во всех других случаях не стоит изобретать велосипед. Для этого достаточно воспользоваться структурой секций, круглых столов, семинаров последнего Всемирного философского конгресса.

А.Л. Никифоров: Это сложный вопрос, заслуживающий специального рассмотрения. Но если отвечать на него в самом общем виде, то можно сразу же сказать, что в философии никогда не было *парадигмы* – в смысле философской концепции, которую принимало бы всё философское сообщество. Платон и его ученик Аристотель, Р. Декарт и Ф. Бэкон, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель, а чуть позже Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр, О. Конт, У. Хьюэлл и т.д. Все они, будучи почти современниками, разрабатывали очень разные философские концепции. Может быть, в философии лучше говорить об исследовательских программах, да и то это понятие применимо, скорее, к науке, чем к философии.

В философии принято говорить о течениях или направлениях философской мысли – материализм или идеализм, эмпиризм или рационализм, априоризм или позитивизм. В рамках этих направлений могут возникать и развиваться философс-

кие школы, обычно опирающиеся на идеи какого-то крупного мыслителя – неокантианство, марксизм, три волны позитивизма, феноменология и т.д.

Что касается России, то в советский период все отечественные философы с разными вариациями разрабатывали марксизм – философскую концепцию, основы которой были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом. В последние 25 лет наши философы разбрелись по самым разным направлениям и тупикам зарубежной философской мысли – аналитическая философия, феноменология, реализм или конструктивизм, критический рационализм, позитивизм и т.п.

До Великой Октябрьской революции русская философия отличалась своеобразием и оригинальностью. Западники и славянофилы, а также В.И. Несмелов, Н. Федоров, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Е.Н. Трубецкой, Г. Шпет, Н.А. Бердяев – все эти мыслители размышляли над проблемами, которые выростали из православной религиозной традиции и общественной жизни того времени. Советская философия также имела свое собственное лицо – это был диалектический и исторический материализм.

Можно надеяться на то, что сегодняшняя отечественная философия восстановит свой национальный облик и обратится к рассмотрению проблем, актуальных для современной России.

А.М. Орехов: Вопрос не очень понятен. Парадигмы, программы, – неважно, главное, чтобы был результат. А вот почему нет результата – это уже вопрос другой.

Э.А. Орлова: Если понимать слово «парадигма» в том смысле, в котором его употреблял Т. Кун, то те, кто считают себя российскими философами, даже не задумывались ни об исходных основаниях того, что они пишут, ни о методологии своих построений. Поэтому в рамках так называемой российской институциональной философии нет ни парадигмы, ни программ.

К.С. Пигров: Данный вопрос есть по существу вопрос о структуре философии и философствования. Поскольку новоевропейская философия подчеркивает свою научную форму, то к ней парадигмальный подход вполне применим. Парадигмы как способы постановки и решения проблем в этом аспекте несомненно существуют. Я не противопоставляю «парадигмальный подход» и «крупные (или «мелкие»?) исследовательские программы».

Структурирование философии и философствования возможно также на основе методов, эпистем, дискурсов, и наконец, стилей. Философский стиль сближает ситуацию структуры философского знания с типологической ситуацией в искусстве. Философия имеет не только научную, но и художественную (или эстетическую) форму. Далее, точно также в философии присутствует момент веры, явно или скрыто, обязательно существует «философская вера». Возможно разделение философских направлений в аспекте Кантовских вопросов, обращенных к разуму: «Существует ли Бог?», «Существует ли бессмертная душа? «На что я могу надеяться?», «Существует ли мир как целое?» и т.д.

М.А. Пронин: Преобладающие парадигмы сегодня – историческая, компаративистская, источниковедческая. Преобладающий способ работы – аналитический. Поэтому в дефиците синтез и собственные парадигмальные разработки идей, конструкций и концептов. Я занимаюсь виртуалистикой – парадигматическим подходом, – поэтому могу сказать, что мало что из отечественных и зарубежных разработок мне помогает в разработке онтологии внутреннего пространства человека. Последняя –

основа для будущих поколений философских антропологий и наук о человеке. Но в целом, с парадигмальным синтезом у нас «завал».

«Программы», конечно же, есть: Российский философский конгресс, как проект, один чего стоит. Если указать на менее глобальные примеры, но имеющие кроме лидеров и командную, социальную составляющую, то таких не много: проект «Глобалистика» А.А. Чумакова и А.Д. Королёва, проект «ЛКО» Ю.М. Резника, философия искусственного интеллекта В.А. Лекторского, проекты С.А. Никольского, Н.И. Лапина, В.Е. Лепского, конференции «Философия медицины и биологии» В.И. Моисеева и Л.П. Киященко, журнал «Философия образования» и др. Есть, но таких потоков не много.

В.И. Разумов: Российская философия находится в стадии перехода от тотальной марксистской парадигмы советского периода к разнообразным исследовательским программам. В принципе, такие программы более-менее четко представляются в программах масштабных философских форумов, к примеру, на философских конгрессах. По изменениям названий секций, круглых столов, по темам пленарных докладов можно судить об исследовательской динамике. Другое дело, что необходимо учитывать отношение к идеям и к их носителям со стороны философов и со стороны представителей других специальностей, оценивающих ценность и применимость для себя определенных философских идей.

Ю.М. Резник: Философия есть разновидность интеллектуальной практики, сопряженной с осмыслением и конструированием предельных оснований бытия человека. Философия – не наука и, возможно, к ней не применимы парадигмальный подход и концепция научно-исследовательских программ Лакатоса. Хотя чиновники от науки пытаются применить к ней формальные критерии оценки результатов научных исследований.

В силу размытости границ современной философии и влияния, которое оказывает на неё наука, в ней присутствуют как парадигмы, так и исследовательские программы. Другое дело, что они характеризуют лишь одно из направлений исследований, именуемое «научной философией». Именно эта философия более всего подвержена влиянию чиновников и их формализованной системе оценки. В остальных же сегментах философии присутствуют авторские проекты, которые трудно вписать в прокрустово ложе существующих философских традиций. Они находятся, скорее, на перекрёстке философских течений, вбирая в себя субъективные представления о всеобщем.

В.М. Розин: Точка зрения, что философы занимаются производством идей, концептов и конструктов, описывающих и объясняющих мир сквозь призму всеобщего, на мой взгляд, только сбивает с толку. Философ занимается критикой и распределением реальности, которая, с его точки зрения, уже исчерпала себя и поэтому должна уйти со сцены истории. Философ конституирует новую реальность, но посредством *нормирования новых способов получения знания о мире*, другими словами, устанавливая по-новому в мышлении. Не менее существенно и то, что, делая все это, философ отвечает на настоятельные вызовы времени, но отвечает, так сказать, личностным способом. Имеется в виду, что, конституируя новую реальность, отвечая на вызовы времени, философ реализует себя, вступает в диалог со своими учителями и другими мыслителями, проводит собственное видение реальности и понимание проблем. При этом он обсуждает и задает *сущность* интересующего его явления.

Теперь относительно парадигм и программ. Одно не исключает другое. На основе реализации определенной исследовательской программы может сложиться научная парадигма в философии. Например, в рамках Московского методологического кружка были заявлены три исследовательские программы (построения теории мышления, теории деятельности и концепции мыследеятельности). Из них к настоящему времени были реализованы первые две программы, а третья только намечена к реализации. В совокупности работы Г.П. Щедровицкого (см. например, [10]), а также мои книги (например, [5; 4]) задают примерно то, что можно назвать «парадигмой классического отечественного варианта методологии ММК».

Однако помимо определенных направлений отечественной философии (марксистского, феноменологического, синергетического и др.), с которыми связаны исследовательские программы и парадигмы (но их требуется еще дополнительно реконструировать), в российскую философию делают вклад отдельные большие философы, которых трудно подвести под какую-то исследовательскую программу или парадигму философии. Навскидку я бы назвал два таких имени, как Александр Павлович Огурцов и Светлана Сергеевна Неретина.

О.А. Скоркин: Парадигмальный подход, безусловно, перспективней, поскольку классифицировать цели — дело спекулятивное и беспробудно тяжелое. Наверное, каждый ищет там, где ему интересней и где есть задел. Потому все наоборот — появился некий результат, тогда все силы туда.

И.П. Смирнов: Философия есть речь об общезначимом, противопоставленном частнозначимому. Существует множество разных подходов к конструированию общезначимого (оно принимает вид то первообразов, то Бога, то природы, то творческой эволюции, то бытия и т.д.) и, соответственно, целый ряд парадигм, на которые распадается философия. Русская философия, запрограммированная Петром Чаадаевым, была по преимуществу философией истории (включая сюда отечественный марксизм). Ответ на вопрос, каково её современное состояние, зависит от того, сочтем ли мы нынешнее положение дел в ней потерей или продолжением этой традиции. От дальнейших суждений на сей счет я воздержусь: о коллегах *aut bene aut nihil*.

С.А. Смирнов: Да, Ж. Делез, Ф. Гваттари так и отвечали — что философия занимается производством концептов. Но за этим стоит и другое — каких концептов? Какое содержание свернуто в концепте, какой тип мышления демонстрирует философ, какую картину мира или действительность он полагает в своем концепте? И тогда мы всё равно приходим к тому, что несмотря на то, что философы в своей предельности (в мысли об онтологических пределах) все же и онтологию полагают разную. В этом случае мы говорим о парадигмах, т.е. о разных типах мышления.

А разные типы мышления воплощаются в разных исследовательских программах, что в своё время параллельно И. Лакатосу у нас пытался осмыслить Г.П. Щедровицкий. Строго говоря, вышеназванные Декарт-Кант, затем Хайдеггер, Делез-Фуко (и их предтеча Ницше) работали в трех разных парадигмах. Можно называть их классическими и неклассическими — это не содержательные характеристики. Но можно выделять парадигмы по типу мышления, оптике мысли, по концептуальному каркасу, по роли в них понятийно-терминологического ряда. Например, отказ от поиска сущности в пользу отношения к термину, в котором никакая сущность не скрыта, а знак направляет и регулирует переход от субстанциального типа мышления к навигационному, ориентировочному. А это и есть переход к иной парадигме.

Г.Л. Тульчинский: Давно пришел к необходимости различать философствующих и философов, которые делятся радостью узнавания философствования других. Редко кто из философов-преподавателей способен к самостоятельному философствованию. Для российской философской культуры характерны именно философствующие. Философ в России это — не кабинетный или кафедральный персонаж типа Канта или Гегеля. Это — человек с судьбой, с идеей, за эту идею еще и пострадавший... В синодиках диссертационных введений и авторефератов в качестве философов упоминаются авторы, не работавшие на философских кафедрах: С. Аверинцев, Н. Бахтин, Н. Бердяев, Л. Гумилев, А. Лосев, Б. Поршнев, Н. Федоров, С. Франк, Л. Шестов, В. Соловьев, Л. Карсавин в России были отлучены от преподавания, как и М. Мамардашвили, и А. Зиновьев...И никак нельзя забывать о таких мыслителях, как Ф. Достоевский, Л. Толстой...

Про программы и парадигмы вопрос понял плохо. Но, если говорить о русской философии, то она вторична и эхололична — возникла и развивалась как отзвук европейской философии — вплоть до наших дней. Она не выработала самостоятельную оригинальную онтологию (см. прим. 1), теорию познания, методологию, логику. Главные её темы — личность и общество, свобода и судьба России. Но зато эти темы обсуждаются глубоко, на высоком эмоциональном градусе вовлеченности. Как говорят во дворе — у кого, что болит — тот о том и говорит. Правда, и в этом отечественная философия не оригинальна. Такие тематизации выходили на первый план и в немецкой философии, и в итальянской, и в польской. Обычно такую акцентировку связывают с рефлексией переживания национальной травмы. А по части таких затянувшихся переживаний мы, наверное, впереди планеты всей. Но по части свободы, персонологии отечественная философия внесла заметный вклад.

В.Н. Щербина: Не могу дать квалифицированного ответа, поскольку не слежу в должной мере за этим процессом. Думаю, скорее будет уместен анализ на основе использования категорий из драматургии, т.е. нужно говорить о сценариях разворачивания философской мысли в различных средах. Парадигма и программа в этом случае будут видаться не как основание, а как составляющие философского текста, используемого акторами или действующими социальными агентами. Способ постановки проблемы в таком случае выглядит как порождение и предложение интересного определенному кругу сценария, с которым, в отличие от описания философских оснований, легче согласиться всем единомышленникам.

3. Можно ли рассматривать философию с точки зрения устоявшейся социальной формы как институт и описывать её статус в институциональных терминах? Если да, то каковы институциональные признаки российской философии? Или такое понимание применимо лишь к оценке развития западной философии? Может быть, философия должна оставаться уделом мыслителей-одиночек? И из неё не надо делать некий институт, превращать в учреждение или учебную дисциплину в угоду научным функционерам?

С.С. Аванесов: Философия в России (как и «философия» в СССР) — это совершенно определённо государственный институт (или, если угодно, *институция*). Это мешает философии стать социальным и культурным институтом, приобрести «естественный» характер, произрасти, наконец, «снизу». Пока что она не произрастает, а насаждается. Если же нет поддержки со стороны остального общества, то философия всегда будет этим обществом выталкиваться в гетто, а официальным философам

всегда придётся ощущать себя белыми воронами и строить вокруг своего гетто всяческие оборонительные редуты из степеней, званий, кафедр и институтов.

В этой ситуации все знаки своего отличия философ будет получать не от того общества, которому он должен служить, а от той замкнутой корпорации, к которой он (часто — не по заслугам) принадлежит. Можно сказать, что современная отечественная философия всё ещё живёт в тех формах, которые были для неё установлены в СССР. Философия в этой её советской «упаковке» оказалась не готова, да и сейчас всё ещё не готова, к решению новых культурных задач, она даже не может сформулировать эти задачи.

А.М. Бекарев: Трудно сказать, но институциональное бытие философии сопряжено с идеологическим бытием государства. А на сегодняшний день у нас нет идеологии в хорошем смысле слова: системообразующие идеи отсутствуют, а давние поиски в духе Вл. Соловьева бесполезны.

Ф.И. Гуренок: Философия — не институт. Институты не воображают. В русской философии, начиная с Флоренского, утверждается не институциональная мысль о самонесовпадении «я». Между тем, вся классическая философия полагала, что «я» тождественно самому себе. На этом тождестве держалось мышление и речь. Но о чем речь? О том, что выразимо в логике. Флоренский же полагал существование мира абсурдным. Абсурд нельзя высказать в языке. Он высказывается немотой, молчанием. Там, где начинается логика, там, конечно же, не существует свобода. Абсолютная свобода человека осуществляется только в мире абсурда. Но об этом мире невозможно никакое знание. Чтобы быть в этом мире, нужна вера и смыслы, которым предшествует работа по преодолению бессмыслицы. На мой взгляд, эта мысль Флоренского является сегодня парадигмальной для русских философов-одиночек.

Во введении к «Логике» Кант отделяет школьную философию от мировой. Школьная философия — институциональна. Она полна пустых смыслов и предрасудков. В ней история философии в конце концов убивает философию. В институтах не мыслят, в них учат языку. Мировая философия — это сама философия, т.е. путешествие в воображаемое, не согласованное с другими.

П.С. Гуревич: В значительной степени философия — удел одиночек. Но любому мыслителю нужна интеллектуальная среда. К. Ясперс полагал, что не следует превращать философию в социальный институт. Пусть будет что-то вроде свободного философского клуба. Но это — интеллектуальная греза, не получившая признания даже в Германии. Институты возникли не в угоду научным функционерам, а философские клубы — не в угоду свободным мечтателям. Эзопу не понадобилась штатная должность философа, Пришвин вел частный дневник, который позволяет считать его философом. Дать дальнейшую жизнь философии можно в любой ситуации. Идеального варианта нет и лучше не затевать давно известные организационные реформы.

И.И. Докучаев: Философия, с моей точки зрения, не может быть рассмотрена как социальный институт. Вместе с тем, она представляет собой культурную традицию. Разница заключается в том, что у всякого института имеются социальные нормы, конкретность которых определяет вполне конкретные социальные структуры, т.е. взаимодействие людей внутри конкретных групп и этих групп друг с другом. У таких групп есть цели и планы работы, эффективность которой хорошо измеряется. Культурная же традиция — это набор ценностей, достижений, передаваемых из поколения в поколение теми, кто признает эти ценности и создает на их основе новые.

В той мере, в какой мы изучаем культуру, сохраняем и преумножаем её, мы всегда будем сохранять и преумножать философию.

И.Т. Касавин: В философии, как и в иных гуманитарных науках, есть профессионалы и любители. Россия здесь ничем не отличается от других стран. Профессионалы работают, как правило, в учебных и научных центрах. Профессиональная философия имеет, поэтому, все признаки научной дисциплины и социального института: кафедры, лаборатории, журналы, конференции, энциклопедии, учебники, формы популяризации.

Не следует допускать категориальную ошибку и сопоставлять философию как институт, с одной стороны, и философа-одиночку, с другой: любители тоже могут работать коллективами. Приверженность коллективной или индивидуальной, устной или письменной работе, – психологическая характеристика философа (философская культура).

Сопоставление по степени институционализации – социальная, цивилизационная характеристика. Хотя в философии нет парадигм, все же есть относительно устойчивые концептуальные предпочтения, объединяющие крупные и мелкие группы исследователей по философским направлениям, течениям и проблемам. Вероятно, в свободном обществе соблюдается определенный баланс профессиональных философов и философов-любителей. Это предохраняет от стагнации и питает альтернативные сценарии развития.

С.В. Комаров: Вполне можно описывать философию как определенный социальный институт; в этом случае философия рассматривается как определенная наука, которой можно управлять и к которой можно предъявлять формальные критерии измерения (публикационной активности, индексов цитирования и т.п.). Институциональные признаки философов тогда становятся аналогичными признакам научности: нотариально заверенный диплом об окончании философского факультета, принадлежность по месту работы к какому-либо философскому учреждению, наличие соответствующих публикаций, индекс цитируемости и т.д. Так сегодня и делается. Дело тут не в господстве взглядов научных функционеров, а в том, как развивается современное общество (см. п.1).

В этом смысле философия – именно как философия, философия в первоначальном греческом смысле слова – может развиваться только как «социальный институт», однако, отнюдь не совпадающий с формальной научной институцией по трем признакам. Первый признак – это должна быть коллективная машина мышления, время мыслителей-одиночек прошло. Второй признак – коммуникация в такой коллективной машине может строиться только как личное и ответственное дело; другими словами, коллективное мышление строится только на основе и посредством индивидуального и личного мышления (в пределе – учитель-ученик). Третий признак – коллективные формы служат для предъявления обществу результатов такой работы: дискуссии, конференции, издания, практические проекты.

В.А. Конев: Всякая интеллектуальная деятельность двойственна: она совершается только конкретным человеком, наделенным определенными способностями и талантом, т.е. она всегда есть личностное достояние, и в то же время эта деятельность имеет общественный смысл: ее результаты где-то и кем-то используются. Научные открытия – дело ученого имя-рек, а их результат – технологии, которые принадлежат всем, и т.п. В философии – то же самое. Но есть важное отличие. Как интеллек-

туальное усилие философское знание, конечно, принадлежит кому-то, но далеко не всякое интеллектуальное усилие кого-то, кто проходит по разряду философии (преподает, имеет степень философскую), является усилием *философа*.

Быть философом — это некое экзистенциальное состояние («Ну, ты и философ!») и это некий статус, который приобретается, когда чьи-то интеллектуальные усилия стало значимым достоянием в сообществе философов, образующих социальный институт философии. Нет философов-одиночек без социального института философии. А социальный институт философии в Новое время возникает в среде преподавания. Здесь философия укоренена социально. Если убрать философию как учебную дисциплину из вуза, из школы, то она не будет существовать и в культуре.

Обратите внимание на постоянный всплеск философии во Франции — там она преподается в лицах! Философская мысль как определенный тип осмысления мира вырастает на хорошо взрыхленной почве преподавания философии. Поэтому нужно всячески поддерживать любые институциональные формы существования философии — и преподавание, и научные учреждения, и общественные организации, типа РФО, и журналы, и присутствие в медиапространстве и т.д.

Те имена, которые я перечислял при ответе на первый вопрос (а их, наверное, больше) — это имена людей, выросших в советский период, когда на философской ниве как ниве идеологической трудилось много народу. Конечно, выростали на этой ниве чаще всего совсем не философские злаки, но ведь на ней же выросли и Г. Шедровицкий, и Э. Ильенков, и М. Мамардашвили, и десятки других мыслителей. А если бы не было широкого поля философии, то не было бы и этих имен.

А.А. Кузьмин: Начну с последнего вопроса. Из нашей философии нужно сделать некое подобие социального института с соответствующими учреждениями и учебными дисциплинами и для этого нужно приложить неимоверно много усилий, ибо идеологические скрепы отечественной философии в скором времени перестанут существовать, а младенческая зависимость от западной философии не сулит нам быстрого взросления. И мы должны искать опору в себе без образов и подобий. Институциональные признаки нашей философии больше напоминают мне призраки, нежели они вообще могут послужить делу. Поэтому современный институциональный статус нашей философии можно определить в следующих терминах: она перестала отбрасывать от себя тень.

А.Л. Никифоров: Мне кажется, в современном мире философия должна обладать определенным институциональным статусом. Время философов-одиночек давно прошло. Философия стала профессией, обеспечивающей человеку получение средств к существованию. Мне довольно часто присылают тексты люди, которые или на старости лет начали размышлять над мировоззренческими проблемами, или в молодости нашли свои решения этих проблем и спешат ими поделиться со специалистами. Чаще всего такие тексты остаются на уровне досужих разговоров на кухне. Для того чтобы высказать какую-то оригинальную или хотя бы не слишком затертую мысль, сегодня нужно очень много знать — и историю философской мысли, и современные философские дискуссии. Нужно получить довольно серьезную философскую подготовку, общаться и дискутировать с коллегами, быть знакомым с философскими журналами. А такую подготовку может дать только кафедра или факультет философии. И мы видим, что в Европе и США такие кафедры существуют практически во всех университетах.

Таких учреждений, как Институт философии РАН, в мире, по-видимому, немного. И здесь, действительно, встает острый вопрос: нужны ли такие институты, сотрудники которых, не занимаясь преподаванием, просто создают философские тексты? Мне кажется, что такие институты всё-таки полезны и нужны. Основное средство развития философии, разработки философских идей — это дискуссия, полемика, обсуждение пришедшей тебе в голову мысли в кругу коллег. Только в процессе таких критических обсуждений твоя мысль проясняется, уточняется, получает развитие.

Многие коллеги-философы, работающие в областных университетах, жалуются на то, что не с кем поговорить, обсудить интересующие философские проблемы, получить какой-то отклик на опубликованную статью или книгу. В конце концов, философ пишет не для себя, а для какой-то аудитории, и ему важно получить отклик этой аудитории.

А.М. Орехов: Тоже не очень понятный вопрос. Единственное, с чем можно согласиться, — это то, что ставка, которую делает нынешняя власть на «школу» или «группу» в науке, в значительной степени ошибочна. Один человек в социально-гуманитарных может сделать гораздо больше, если его поставить в соответствующие условия. И такое правило хорошо работало в 1990-е гг., когда науку в России поддерживали зарубежные фонды. Нынешние РФФИ и РГНФ все делают не так, как надо, хотя скорее это — их беда, а не вина.

Э.А. Орлова: В России философия институционализована в виде академических учреждений (исследовательские институты, факультеты университетов) и в виде ВАКовской дисциплины, по которой присуждаются ученые степени, и люди легитимизируются в качестве профессиональных философов.

Скорее всего, философия — это не профессия, так как к метафизическому уровню рассуждений обращаются зрелые специалисты, занимающиеся естественными или социальными науками, в период своей деятельности, когда им нужны либо обобщения результатов их предшествующей работы, либо рефлексия к исходным основаниям, на которых базируется их область познания.

К.С. Пигров: Вне специфического социального института в цивилизованном обществе философию рассматривать невозможно. Институциональные термины необходимы, как в России, так и в других странах. Нельзя противопоставлять «одиночек» и социальный институт. Институт есть условие возможности существования одиночек, которые подчас дают начало философским школам и институциональным образованиям.

Социальный институт философии, являющее общество высокой интеллектуальной дружбы, в частности, включает «общество взаимного восхищения». Мы должны уметь любить друг друга и, по крайней мере, бескорыстно и содержательно интересоваться друг другом, читать друг друга. Одна из главных задач нашей философии — создание такого института философии, который бы «раскручивал» наших философов, так как это делают социальные институты философии, скажем, в европейской философии, — французской или немецкой.

С моей точки зрения, Секацкий, вообще говоря, не ниже Бодрийяра, но Бодрийяр «раскручен» социальным институтом французской философии, а наш социальный институт философии относится равнодушно к популяризации своих философов, а потому наша философия на Западе недостаточно оценена. Мы с пиететом относимся к нашим философам, только если они признаны на Западе. Это обстоятельство используется на-

шими конкурентами в корыстных целях. На Западе часто поддерживаются те наши философы, которые занимают прозападные позиции. И наоборот, скажем, Б.Ф. Поршнев, Л.Н. Гумилева или Б.А. Диденко на Западе высокомерно «не видят».

М.А. Пронин: Это самый болезненный вопрос для сегодняшнего мира и философии. Дело в том, что мировоззрение становится фактором современного производства, особенно, как заметили корейцы, которых я выше цитировал, при смене технологического уклада жизни! И экономического тоже – наши беды в этом. Мировоззрение, как фактор развития человеческого потенциала и человека, сохранения мира и добрососедства, экологии человека и планеты Земля, требует философского пристрастия и присутствия. Какое оно?

В.И. Разумов: Институциональный подход распространен в социологии и экономике, и его стоит учитывать. В этом аспекте российская философия избыточно организована в вузовские и академические сообщества. Это не исключает развития неформальных связей, но даже грантовая поддержка предусматривает институционализацию исследователей в коллектив, состоящие из руководителя и исполнителей проекта. Серьезный недостаток – практически отсутствие в российской философии института независимых исследователей и экспертов.

Ю.М. Резник: Философия в своём социальном бытии является одновременно институтом, сообществом и формой коммуникации. Менее всего она претендует на роль одной из идеологических машин государства, если её сознательно не толкают в эту сторону, и больше тяготеет к производству (и воспроизводству) смыслов данной исторической эпохи. Во всём же многообразии социокультурных смыслов её волнует ответы на вопросы, начинающиеся с наречия или союзного слова «зачем»: зачем живет отдельный человек, куда и зачем идёт общество (человечество в целом)?

Отсюда можно сделать вывод, что философия и философы суть, с одной стороны, сообщество специалистов, профессионально занимающихся концептуализацией всеобщих смыслов своей эпохи и реконструкцией смыслов прежних эпох, а также призванных ответить на вопросы «зачем?», с другой же стороны, институт, регламентирующий деятельность по смыслотворчеству и устанавливающий (или поддерживающий) нормы коммуникаций между ними.

В.М. Розин: Здесь многое зависит от того, как понимать, что такое философия и социальный институт. Я лично различаю три плана социального института, институт как (1) *становящееся образование* (формирование определенной социальной проблемы или потребности, популяций, заинтересованных в их разрешении и удовлетворении, изобретении средств и процедур решения этих проблем, осознания сложившихся решений) [7]. Институт как (2) *ставшее образование* (здесь различаются миссия или идея института, процедуры и организация, материальные и духовные опоры и др. компоненты) (см. например, работы М. Ориу и В.Г. Марача). И (3) *институт в системе других институтов и в контексте культуры*.

С точки зрения этих различений и генезиса самой философии, можно с уверенностью утверждать, что философия в современной культуре институционализована. Другое дело, что в России, и возможно, в ряде других стран, институт философии подвержен сильному влиянию бюрократизации и воздействию других институтов (один из последних примеров переподчинение Института философии ФАНО).

Но философия есть не только социальный институт. Это – еще и особая форма или способ жизни философа (см. работы Пьера Адо). Как личность философ, если

он только философ, а не специалист в области философии, принципиально свободен. Как подлинная личность, он, по словам Владимира Соломоновича Библера, преодолевает культурную и социальную обусловленность, и в этом отношении постоянно выскальзывает из-под контроля философии как социального института. Более того, например, Мишель Фуко пишет, что «нужно защищать себя так хорошо, чтобы институты вынуждены были *реформироваться*. В словосочетании “защищать себя” возвратное местоимение имеет решающее значение» [9, 174].

О.А. Скоркин: Хотелось бы вписаться в институциональную форму, только не получается. Поэтому всегда жду неприятностей от нового институционального проявления наших властей. А в итоге мы, как правило, возвращаемся к прошлому состоянию, так и не осознав до конца, чего же от нас хотели.

И.П. Смирнов: Институционализация философии выполняет свою задачу, если такого рода учреждение (например, платоновская Академия) самодеятельно. В той мере, в какой университеты автономны (в России краткая эра их суверенности завершилась), они также представляют собой благоприятную для философствования среду. Любое покушение на организационную самодеятельность философии (прежде всего, со стороны государства, но также со стороны всяческих идеологизированных коллективов) губит её или, в лучшем случае, сужает её возможности.

С.А. Смирнов: Не верьте тому, кто говорит, что философ не нуждается в общении, он сам себе Бог или одиночка. И, якобы, к философии не применимо понятие институции. Кто так говорит, тот либо лукавит, либо сильно заблуждается. Несмотря на то, что философ, конечно, в своем окаянстве мысли находится один на один с Богом. Это да. Но результатом мысли он всегда хочет поделиться, показать его другому, действуя по принципу: смотри, как у меня, покажи, как у тебя. Гете, как только придумал протофеномен растения, то сразу же побежал к Шиллеру рассказать ему про это. Разумеется, философы нуждаются в своих интеллектуальных сетях и коммуникациях. И это нормально. Не нормально, если этих коммуникаций почти нет и общаться почти не с кем. В этом плане в современной России интеллектуальная среда сильно разрежена.

Мне, например, общаться по поводу моей антропологии в Новосибирске просто не с кем. Поэтому я обсуждаю свои идеи и совместные проекты с коллегами из Москвы, Питера, Красноярска, Томска, Германии и других мест. Но не с теми соседями, которые живут рядом в родном городе. В то же время без подобных институциональных форм философия вымирает. Если же забытое имя когда-то возрождается, то это происходит не вдруг, а именно благодаря институциональным формам — работают кафедры, лаборатории, институты, университеты, издаются журналы, проводятся конференции. И философ-одиночка, имя которого было при его жизни или сразу после неё подвергнуто забвению, начинает вновь оживать, но именно благодаря тому, что его работы были вновь включены в интеллектуальные сети и коммуникации.

Г.Л. Тульчинский: В общем-то я уже ответил на этот вопрос в п. 2. Философию как институт формировали в советское время, попытавшись превратить, в общем-то, вольфианскую систему философствования в нормативную мировоззренческую и методологическую систему. Чем и дискредитировали философию, превратив её в идеологический жупел, с помощью которого вешали ярлыки, расправлялись с неудобными, громили науку и вообще всякую оригинальную мысль.

Между тем, философия как осмысление предельных вопросов бытия и его познания всегда вторична по отношению к повседневным практикам, религии, науке, религии, искусству, всегда питалась и питается с их стола, собирая с него смыслы и упаковывая их в предельные рефлексии. Вектор развития культурных смыслов идет не от философии к ним, а наоборот. Философия влияет на другие сферы культурного опыта через популяризацию, образование, а не непосредственно.

В.Н. Щербина: Философия способна становиться таковой (институционально оформленной) лишь на определенной фазе изменений общества — когда выработаны новые социокультурные коды, когда в борьбе победила ориентированная на них группа и возникла необходимость транслировать эти коды на общество в целом, делая их основой жизненного мира приходящих поколений.

Поэтому в постсоветских обществах философия охвачена, на мой взгляд, институциональным кризисом, который мы переживаем: возникают видения гибели философского знания, а также альтернативных миров, в которых уже нет философов. Иначе говоря, институтом философия становится в качестве «внутренней формы» машины культурной гегемонии и зависит от состояния этой машины, обусловленного в свою очередь конкретно-историческими процессами. На новой фазе из философии неизбежно возникнет институт, но она всё равно не сводится к институту. Это — живое осмысление конкретно-исторических процессов. А мыслители-одиночки формируются только в такой среде.

4. Имеется ли в России полноценное философское сообщество с разветвлённой сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства? Если да, то каковы его признаки? Если нет, то что мешает ему состояться в наших условиях? Считаете ли Вы, что в нашем философском сообществе более выражено, чем на Западе, деление на «центр» и «периферию»? Что отличает «периферийную» философию? И являются ли на самом деле Москва и Санкт-Петербург, где сосредоточено большинство специалистов по философии, центрами отечественной философской мысли?

С.С. Аванесов: Философское сообщество России состоит, как минимум, из двух слоёв: а) официальное философское сообщество с его по большей части формальными мероприятиями, б) формируемое на неофициальной, личной основе поле общения и коллективного мышления «по интересам» и «по проблемам». Отсюда вытекают и две «структуры лидерства» — официальная и неофициальная. Ясно, что слово «неофициальный» имеет здесь не абсолютный смысл: любой неофициальный философ встроен в официальную структуру и действует, используя её, но по собственной инициативе и по самостоятельно избранным приоритетам.

Конечно, Санкт-Петербург и Москва являются «центрами» отечественной философии — и по официальному статусу расположенных там институций, и по степени активности философской жизни, и по качеству философского мышления, и по количеству получаемых грантов. Жёсткое разделение на центр и периферию имеет и объективные предпосылки (в столицах — более интенсивная общественная и культурная жизнь), и сугубо «частные» причины — государственный характер институционализации философии в России.

А.М. Бекарев: Я считаю, что полноценного философского сообщества у нас нет, хотя имеются неплохие попытки создать независимые «мыслильни» (см. Аристофан о школе Сократа). На мой взгляд, в центре нет условий для плодотворного философ-

ствования, они имеются в «деревне» (т.е. на периферии). Не случайно там А. Герцен писал «Письма об изучении природы». Но это моё личное мнение.

Ф.И. Гиренок: В России нет не только философского сообщества, но нет и общества вообще. Общество — это не люди, а вяжущие связи. Общество, которое не дает нам «бытие вместе», это — не общество, а стихия рассеянного существования атомизированных множеств. В России философы — атомы. У нас нет ни центра, ни периферии. Во всяком случае, Москва — не центр русской философии и, тем более, не центр философии вообще. Сегодня центра философии нет нигде, даже в Европе, а окружности философские существуют везде.

П.С. Гуревич: Деление на «центр» и «периферию» давно уже надо забыть. Другое время, другие коммуникации. Провинциальное мышление может окопаться в МГУ, а подлинное философствование в любом городе страны. В России нет полноценного философского сообщества с разветвленной сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства. На методологическом семинаре в Институте философии один оратор спрашивает другого, как он понимает слово «критика» в философии. Его собеседник написал об этом лет 30 назад. Такое впечатление, что два сотрудника разных институтов, наконец-то, встретились.

В Институте философии РАН сотрудники, как правило, не читают книг своих коллег. Имеют смутное представление о том, кто чем занимается. Что такое в этом контексте разветвленная сеть институций? Центров отечественной философской мысли в стране предостаточно.

И.И. Докучаев: В России имеется философское сообщество, поскольку существуют философские факультеты, кафедры, научные институты, журналы, конференции. Все атрибуты нормального философского сообщества налицо. Деления на «центр» и «периферию» я не ощущаю. Такое деление может быть характерно только для позитивной науки, которая чрезвычайно зависима от государственного и коммерческого финансирования, лабораторной базы и т.п. Философия — личное дело философа.

И.Т. Касавин: В России, в самом деле, наличествует полноценное философское сообщество с разветвлённой сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства. Признаки, тем самым, перечислены. Однако последние тенденции слияния всех гуманитариев в единые факультеты и институты подвергают философское сообщество новым рискам. Из того же разряда атаки на университетскую философию как дисциплину, не приносящую прибыли.

В российском философском сообществе более выражено, чем на Западе, деление на «центр» и «периферию», и это связано с финансовыми потоками. На Западе центры философии далеко не всегда базируются в крупных городах, в России это практически всегда. «Периферийную» философию, как правило, отличает низкий уровень профессиональной мобильности, интернационализации, доступа к финансовым и информационным ресурсам. Было бы неточно позиционировать город или регион в качестве «философского центра». Речь, скорее, должна идти о конкретной организации, а не о Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске или Ростове. На практике достаточно полутора десятка квалифицированных и активных исследователей, объединенных одним или двумя крупными проектами в течение 10 лет, чтобы превратить университет в центр философской мысли.

С.В. Комаров: Полноценного философского общества в России, на мой взгляд, уже 20 лет не существует. Мешает ему состояться в наших условиях интеллектуаль-

ный провинциализм, подкрепленный крайней нищетой официальных институций (кафедр и факультетов) и отсутствием полноценных коммуникаций. Это приводит к тому, что фактически нет серьезных философских идей, хотя какая-то работа ведется. Действительно, в нашем философском сообществе ярко выражено деление на «центр» и «периферию»; так было всегда — даже в современную информационную эпоху, только основания для такого деления были разные.

Что отличает «периферийную» философию? Во-первых, меньшая возможность для интеллектуального развития. Речь идет не об информационной или коммуникационной ограниченности, а об институциональной, психологической, да и материальной ограниченности: условия существования (не работы, а именно: существования!) философов в «провинции» катастрофические. Колоссальная учебная нагрузка, необходимая для зарабатывания денег, сокращает все возможности для полноценного профессионального развития и коммуникации, а жесткие административные барьеры и коммунальная жизнь на философских кафедрах только усугубляют ситуацию.

Попытки издания местных журналов или создания издательств требуют серьезных материальных ресурсов, которых в провинции существенно меньше, чем в «центре». А попытки создания неформальных сообществ (клубов, кружков, лабораторий) строятся исключительно на личном энтузиазме, который в условиях вышеуказанной институциональной ограниченности недолговечен.

Названные причины имеются и в «центре», но там имеются иные возможности для «выхода» из административных структур занятости: на «периферии» же «уход» с кафедры фактически означает уход из профессии, разрыв коммуникационных связей или отъезд в центр, т.е. так или иначе — «профессиональную смерть» в качестве местного философа. Это совсем не значит, что на «периферии» нет философской жизни. Она существует (ведь философия всегда есть свободное дело), хотя и менее интенсивна, чем в центре. В этом смысле Москва или С.-Петербург являлись и являются центрами философской мысли в России.

В.А. Конев: Думаю, что существует, если не единое сообщество, то ряд сообществ, объединенных либо по проблемным основаниям (например, Онтологическое сообщество, которое регулярно, спасибо питерцам, проводит конференции, или сообщество культурологическое, в котором много философов), либо региональные сообщества (например, в Самаре есть такое сообщество).

К сожалению, РФО не удалось, на мой взгляд, создать единое сообщество. Те конгрессы, которые проходили, имели большое значение, так как обеспечивали встречи людей, но не давали должного результата в смысле содержательном — рождение единства вокруг постановки или решения проблем.

Относительно различия «центр — периферия». Да, конечно, в России это различие значимо больше, чем в Европе. Главная причина — расстояния, которые не преодолеваются так легко и быстро, и потому что большие, и потому что дорогие. Наличие интернет-связей, конечно, снижает это противостояние, но живое общение — это совсем другое. Москва и Питер, в любом случае, — центры отечественной философской мысли, так как там находятся издательства, журналы, туда приезжают философы из других стран, там сосредоточены крупнейшие вузы и т.п.

А.А. Кузьмин: Философия есть только там, где находятся философы. В остальных случаях мы оправдываем самих себя, не будучи философами и прикрываясь при этом «лидерством», «центром» или «периферией».

Что касается западного (мирового) философского сообщества, то оно выживает, как может, и философы там — единичный товар с большими амбициями, которые должны регулярно подтверждаться такими же амбициозными результатами. Я не раз наблюдал и участвовал в выборах председателя Международного общества Фихте, и у меня всегда «рука тянулась к пистолету». Для западных философов должность председателя какого-либо философского общества — это весьма престижное место для их статуса и карьеры. Поэтому страсти там кипят вовсе не шуточные.

А в остальном их философские институты работают с определенной долей консерватизма и демократии, расширяясь за счет новых адептов из развивающихся стран.

А.Л. Никифоров: Боюсь, что в нашей стране, как, впрочем, и в других странах, «философское сообщество» является довольно рыхлым образованием, члены которого не связаны почти никакими внутренними связями. Да, устраиваются какие-то конференции, конгрессы, существует официальное философское общество, издается несколько философских журналов, но все это мало содействует объединению философов.

Нужно ведь учитывать то обстоятельство, что современные философы специализируются в разных областях (онтология и теория познания, социальная философия, философия техники и этика, история философии и философия политики и т.д.). Поэтому контакты между ними достаточно слабы. К тому же даже философы, работающие в одной области, часто относят себя к разным философским школам — к аналитической философии или к феноменологии, к структурализму или постмодернизму. Аналитический философ склонен считать, что постмодернизм является бессодержательной болтовней, а поклонник Делёза, напротив, отторгает рассуждения аналитика.

Впрочем, это характерно для всех стран. О каком-то единстве философского сообщества можно было бы говорить в том случае, если бы в стране господствующее положение заняла какая-то одна школа, как скажем, в Европе в 1930-е годы господствовал логический позитивизм или в США до недавнего времени (а, может быть, и до сих пор) командные высоты принадлежат представителям аналитической философии. Если этого нет, то о каком-то едином философском сообществе говорить трудно.

По-видимому, действительно существует некоторая разница между философами Москвы и Санкт-Петербурга, с одной стороны, и философами, работающими в других городах страны, с другой стороны. В Москве у философа имеется более широкий круг общения и больше возможностей заявить о себе. Здесь чаще организуются разного рода конференции, на которые приглашаются зарубежные исследователи, и легче приобрести нужный журнал или книгу.

Впрочем, и в областных городах порой возникают серьезные философские центры. Одним из критериев может служить следующее. В свое время я довольно долго был членом экспертного совета ВАКа. Иногда мы обращали внимание на то, что, скажем, из Саратова, Ростова или Томска поступают диссертации, написанные на высоком уровне. Отсюда можно было сделать вывод, что там работают квалифицированные философы, которые предъявляют друг к другу высокие требования. Тем не менее, Москву можно, по-видимому, считать философским центром нашей страны.

А.М. Орехов: «Периферийная наука» и «периферийная философия» в России — феномен для меня очевидный; в «центре» всё делается гораздо добротнее. Насчет сообщества — формально все в ажуре, а вот реально... Но так ли это нужно современ-

ному философу? Он должен решать свои исследовательские задачи, — вот главный вектор его профессиональной жизни, а остальное приложится.

Э.А. Орлова: В России есть бюрократизированные объединения так называемых философов, в рамках которых не происходит никаких серьезных событий. Сами работники институтов и факультетов философии могут рассуждать о различиях между Москвой и Петербургом, между центром и периферией, но к философии в её словарном определении как области познания это не имеет никакого отношения.

К.С. Пигров: Главное предварительное условие — понять, что мы в философском отношении не есть периферия западной философии. Наше философское сообщество, уязвленное вековечным комплексом неполноценности по отношению к Западу, пока примитивно. Оно в своем самостоянии нуждается в длительном сознательном и целенаправленном культивировании.

Чрезмерная централизация нашей философии отражает чрезмерную централизацию российской цивилизации в целом. Мы должны уметь слушать священное косноязычие наших провинциалов, а не пытаться уложить его в прокрустово ложе западной переводной философии, в котором сравнительно уютно чувствуют себя только столичные исследователи.

Следует учитывать, что философия — это язык, а стало быть, существуют *непереводимые аспекты нашей философии*. Скажем, философское содержание Андрея Платонова, дневников Л.Н. Толстого или сатирических произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина попросту не переводимо на западные языки. «История одного города» Щедрина глубже «Острова пингвинов» А. Франса, но понять это может только тот, кто владеет русским языком.

М.А. Пронин: Ключевой фигурой любой системы был, есть и останется человек-специалист, для философии это — философ! Поэтому, во-первых, не надо путать философа и преподавателя философии. Надо помнить, о чём и о ком мы говорим! Во-вторых, это объясняет, почему «институциональные фигуры» на доске философии всегда считанные, везде единичные, спорадические и редкие персонажи. Соответственно, не стоит путать системы воспроизводства (репродукцию) и производства (произведение) философов. Центры философской мысли, как говорил А.А. Зиновьев, это независимые государства с количеством жителей в один человек. Он так говорил про себя и про другое, но мне видится, что карту философских «материков» чертить стоит по персональным лекалам. Пора эту тему обсуждать на другом языке — персонифицированном. Это совершенно не представленный, в смысле не принятый, у нас дискурс. Ваш вопрос о наших местных философах-фигурах «мирового масштаба» как раз об этом.

В.И. Разумов: На формальном уровне существует РФО. По-моему, в мире это — самое массовое и организованное профессиональное объединение философов. Другое дело, я не нахожу в деятельности РФО установок на инновации. В лучшем случае есть ориентация: быть не хуже, чем на Западе. Я не считаю актуальным выделение в современной России «центра» и «периферии». Более существенно другое деление — «метрополия» и «колония».

Если опять придерживаться точки зрения М. Соколова и К. Титаева, то только в ведущих вузах России представлена провинциальная наука, ориентированная на передовую мысль мировых научных центров, а в остальных вузах сосредоточена туземная наука [8].

Ю.М. Резник: Деление на «центр» и «периферию» хотя и устарело, но не потеряло своё значение. Это подтверждается результатами исследований основателя миро-системного подхода И. Валлерстайна. Поэтому, несмотря на достижения информационной эпохи, имеет место феномен «периферийной» философии и интеллектуального провинциализма в целом, о чём обоснованно пишет коллега из Перми С.В. Комаров. Думаю, что ему и другим коллегам из регионов виднее. Другое дело, что периферийность можно встретить и в некоторых московских вузах.

Я согласен с С.А. Смирновым, что в сегодняшней России существуют институции, связи, сети и лидеры, которые сильно сконцентрированы в Москве и Питере. А в других городах вокруг университетов и институтов, в лучшем случае, складываются локальные исследовательские группы, привязанные к месту жительства их лидеров. Не случайно поэтому, что кружки философии, которые функционировали в советское время в крупных городах страны (Г. Щедровицкий, М. Розов и др.), чаще всего проходили у их организаторов дома.

Но ситуация заключается не только в локализации форм философской коммуникации и их преимущественной концентрации в мегаполисах. Философия, как любая сложная интеллектуальная практика, есть удел избранных (в данном случае тех, кто посвящает ей всю свою жизнь без остатка). В ней, как нигде более, важна роль прямого («лицом к лицу») общения. Иначе философом не стать. Заочное философское, как и медицинское, образование – нонсенс. Нужна практика философствования, которая передаётся посредством «живого» общения.

В то же время трудно обрести звание философа, занимаясь лишь самообразованием и чтением философских текстов. Кто-то должен научить вас публично выступать и создавать письменные тексты. Философы-самоучки, как и самодеятельные врачи, – большая редкость. Нужна хорошая школа (институция), которая введет вас в профессию и поможет сделать первые шаги. А такие философские школы или центры могут возникать только в больших поселениях, где имеется достаточное число специалистов. Мнение же о том, что настоящая философия возникает на периферии или в «деревне», весьма спорно.

То же самое относится и к организации систематических встреч и регулярных коммуникаций уже состоявшихся в профессиональном плане исследователей. Для творческого общения им нужна профессиональная среда. Нынешнее информационное пространство позволяет преодолеть барьеры, существующие между «центром» и «периферией» в философии. Можно свободно общаться по интернету не только с отечественными, но и с зарубежными коллегами. Однако оно не решает проблемы общения «лицом к лицу», без чего трудно себе представить процесс философствования. Для этого и проводятся регулярные форумы и конференции по философии.

Следовательно, «периферийность» отечественной философии во многом обусловлена не местом проживания самих философов, а их низкой коммуникационной активностью и неготовностью вести диалог «на равных» с зарубежными коллегами. Для этого они должны быть, как минимум, в курсе всего, что происходит в мировой философии (по крайней мере, в избранном ими сегменте философских исследований), владеть иностранными языками с учетом знания профессиональной лексики. А как максимум – иметь институциональные и материальные возможности для осуществления зарубежных командировок и стажировок.

И всё же я согласен с тем, что не стоит прикрываться схемой «центр – периферия», оправдывая своё бездействие или интеллектуальную пассивность. Об этом справедливо пишет А.А. Кузьмин. Не стоит также недооценивать значение профессиональной специализации и идейно-теоретической дифференциации, которые не меньше пространственной удалённости разделяют философов, на что обращает внимание А.Л. Никифоров.

В.М. Розин: Опять же, что значит полноценное философское сообщество? Если речь идет о философии как социальном институте и если у нас есть идеал или норма этого института (а есть ли они у нас?), то мы можем осмысленно ответить на заданный вопрос. Но если социальный институт есть орган культуры (в данном случае российской на современном этапе её развития), а также если речь идет о философии как способе и форме философской жизни личности, то вопрос о философском сообществе мне представляется очень сложным. В каком-то смысле оно есть, а в каком-то смысле его у нас нет.

Чтобы ответить определенно, необходимо провести специальное исследование. То же самое можно сказать по поводу «периферийной философии». Отдельные периферийные философы могли бы успешно работать в Москве, а очень-очень много московских философов без больших потерь для философии могли бы покинуть столицу. Если философское сообщество в целом не сложилось, то имеет ли смысл его делить в отношении «периферии» и «центра»? Не знаю.

О.А. Скоркин: Бескрайние просторы России говорят сами за себя. Поэтому связка «Москва – Санкт-Петербург» – явно выраженный центр. Лично для меня, кроме событий конференции и симпозиума, в которых я участвую один-два раза в год, связующим звеном является журнал «Личность. Культура. Общество».

И.П. Смирнов: Думаю, что деление на «центр» и «периферию» в сегодняшней России так же несущественно, как и на Западе, – тем более в отношении философии, которая, где бы она ни создавалась, из какой бы глуши (допустим, из Шварцвальда, где когда-то обосновался Мартин Хайдеггер) ни подавала голос, центрирует вокруг себя мир, подлежащий дальнейшему постижению. Идеал единого философского сообщества в отдельно взятой стране кажется мне не выдерживающим проверки реальностью.

Обычно философия бытует в соперничестве разных школ и разных индивидуальностей в рамках какой-либо одной господствующей школы, скажем, внутри североамериканского прагматизма. То же верно и применительно к эпохальным философским инициативам. Вольтер и Руссо полярны, несмотря на общую принадлежность к Просвещению. Чем больше деятельность философов организуется в виде «сообщества», тем больше она погрязает во внутреннем обмене текстами, становится инфляционной и инцестуозно вырожденной (как в случае «аналитической философии»). Но при выполнении точечных проектов («Энциклопедия» д'Аламбера и Дидро, «Вехи») коллективный труд может быть плодотворным. Социализируема ли философия? Нет. Способствует ли её поступательному движению дружеский круг? Да.

С.А. Смирнов: Исходя из выше сказанного, можно говорить и о философском сообществе. С одной стороны, оно, разумеется, в России есть. Есть институции, связи, сети и лидеры. Но эта сеть сильно сконцентрирована в Москве и Питере. В других городах вокруг университетов и институтов имеются исследовательские группы. Но их мало. В основном это все так называемая школьная философия, большая группа знатоков философских текстов и толкователей. Говорить об авторской мысли сложно.

Но если вспомнить историю, то вообще-то самое интересное в философской мысли рождалось на географической и культурной периферии. Ф. Ницше не был философом *ex cathedra*. То же самое можно сказать и о М. Фуко. М. Хайдеггер долгое время философствовал в лесу Шварцвальда. М.К. Мамардашвили был выдвинут из официальных структур и наезжал в Москву со своими лекциями о Декарте и Канте, которые становились событиями философской жизни. Г.П. Щедровицкий же всегда считался маргиналом, свою методологическую мысль он оттачивал не на кафедрах и конференциях, а на своих семинарах и играх. Ильенков свои ответы на вопросы о том, с чего начинается личность и какова природа сознания, и кто прав, Фихте или Спиноза, оттачивал не в Институте философии, а в Загорске в интернате во время работы со слепоглохлыми детьми. А кружок Бахтина в свое время сидел не в Питере, а в Невеле и Витебске. Кружок М.А. Розова в Новосибирске тоже собирался не на кафедре философии НГУ, а у него на квартире.

Сейчас ситуации более сложная. Нет такой радикальной разницы между привычными столичными центрами и периферией. И главное — нет такого содержательного разрыва. Разница — в количестве и концентрации. Она остается. Но ведь и сама активность центра и периферии фактически перешла в иные форматы — в виртуальные сети, где нет центра и периферии, а также в новые разнообразные формы активности, масштаб и ценность которых ещё предстоит осмыслить.

Мобильность и интенсивность контактов усилилась и стала более разновекторной и разномасштабной. Это воплощается в том, что в разных городах работают интересные авторы, издаются журналы, собираются интересные семинары и конференции. А предельность и глубина мысли разных авторов зависит не от географии и не от сопротивления цензуре власти, а от постава себе онтологической рамки. Многие, даже интересные авторы, излишне увлечены конъюнктурными делами — цитированием, публикациями, журналами, статусами, защитами и пр. А времени мыслить уже не хватает. Мысль оказывается часто купленной и ангажированной — статусом, положением, зарплатой, званием и т.д.

Г.Л. Тульчинский: Философское общество — как НКО — существует, и даже пытается проводить конгрессы, издает бюллетень. Есть школы, направления, даже журналов уже больше, чем два. Но в плане позиционирования в общественном сознании в стране и за рубежом, философское сообщество очень четко делится на московское и остальное. Дело не только в снобизме сотрудников ИФ РАН, но и в том, что зарубежные коллеги и редакторы редко добираются даже до Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбургa, Саратова, Ростова-на-Дону, Калининграда, Казани, Перми, Сыктывкара. А я только навскидку перечислил города, где работают нетривиальные авторы.

5. Известны ли Вам философские школы в России, понимаемые как устойчивые институты со своими традициями, основателями, научными изданиями, системой подготовки кадров и т.д.? Насколько применима к нам классическая схема лидерства в науке «учитель — ученик»? При этом философской школе присваивается имя её создателя (например, Школа Платона). Или Вы считаете, что у отечественной философии может быть много лидеров и анонимных центров философской мысли, конкурирующих друг с другом на парадигмальном уровне?

С.С. Аванесов: Когда российское общество создаст для себя философию, тогда мы увидим реальные, конкурирующие друг с другом философские школы в класси-

ческом смысле этого термина. Разве может быть названо школой сообщество официальных философов, получивших свои степени на волне финансирования «модных» тем и привлечённых к исследованию этих тем по преимуществу желанием «быть в тренде» и заодно решить свои финансовые проблемы? Формально они — «школа» (и даже могут быть зарегистрированы где-то в этом статусе), но реально, в сравнении с известными нам эталонами — нет. Однако самый высокий уровень философии демонстрируют те философы, которые не создают «своих» школ, но при этом *все мы* оказываемся в *их* школе — как их добровольные и благодарные ученики.

А.М. Бекарев: Школы были, я сам считаю себя представителем «уральской философской школы». Сейчас их нет. Не знаю, но почему-то исчезла преемственность, перетянул «индивидуализм» и пропала гордость за своих славных учителей.

Ф.И. Гиренок: Для того, чтобы была философская школа, нам нужно сначала научиться говорить не от имени Канта, и не от имени Маркса, и не от имени когнитивных наук, а от своего имени. Но мы — преподаватели, а преподаватели философии, как, впрочем, и научные сотрудники, привыкли говорить на языке Другого. А у тех, кто привык говорить на языке Другого, никакой школы быть не может. На мой взгляд, в каком-то смысле в России можно говорить, например, о школе Владимира Соловьёва или даже Флоренского, имея в виду таких его учеников, как С. Булгаков и А. Лосев. Конечно, можно указать ещё и на школу Щедровицкого, ибо и у него есть ученики, такие, например, как С. Смирнов. Вот только появятся ли у учеников Щедровицкого свои ученики — это вопрос.

П.С. Гуревич: В Институте философии РАН имеются лидеры, вокруг которых группируются ученики, подвижники и последователи. В МГУ весьма популярен среди студентов Ф.И. Гиренок. Но философских школ в прямом смысле слова, как, например, кружок М.М. Бахтина, я не вижу. Назвать лидером начальника по службе курьезно. Но есть центры философской мысли, далеко не всегда анонимные. Не обязательна и конкуренция на парадигмальном уровне. Развитие философии — это спонтанный процесс. Организационное усердие только вредит философии.

И.И. Докучаев: Я вообще не понимаю, что такое философская школа. Учителя и ученики в философии могут быть, но плох тот ученик, который не опроверг своего учителя. Не вижу оснований и для того, чтобы говорить о конкуренции. Всем хватит места под солнцем, ибо доказать или опровергнуть какое-либо философское знание невозможно. Оно может быть полезно только тем, что провоцирует мысль, заставляет опровергать самое себя.

И.Т. Касавин: Если не иметь в виду живущих философов (оценка которых затруднена отсутствием временной дистанции), то, в первую очередь, именно школы Мамардашвили и Щедровицкого в целом отвечают стандартным требованиям институционализации.

Что касается философской конкуренции в России, то в качестве её субъектов фигурируют не только и не столько отдельные философы, а, скорее, организации в рамках некоторого региона или России в целом. Основанием конкуренции являются в таком случае не идеи и влияние на умы, а финансовые потоки или близость к власти. Не стоит смешивать с конкуренцией и лидерством обычную ситуацию научного несогласия, теоретического плюрализма или неумеренных личных амбиций. Хотя все эти факторы социологически значимы для конфликтологии, они мало что дают для идентификации научной школы.

«Учитель-ученик» — схема, с трудом применимая к философии. Настоящими учениками в философии бывают лишь апологеты или эпигоны. Оригинальный философ по мере взросления все чаще спорит с учителем и дистанцируется от него, хотя признает и никогда не разрывает исходную связь (проблематика, подходы) до конца.

С.В. Комаров: В этом вопросе скрытно дан ответ на 3 вопрос, поскольку спрашивается о различении центров философской мысли по признаку парадигмы. Я считаю, что раньше мы могли говорить о наличии в отечественной философии разных философских школ — и именно по парадигмальному признаку (общему подходу), построенному по схеме лидерства в науке «учитель — ученик», с присвоением имени её создателя. Однако в последнее время ситуация существенно изменилась. Границы научных школ размыты, сегодня лучше говорить не о научных школах, а о научных центрах, т.е. не о парадигмальном единстве, а об институциональном единстве, вокруг которого сосредоточены кадровые, материальные, издательские и прочие ресурсы.

Еще один признак современной ситуации — при полной открытости коммуникации — отсутствие реальной коммуникации в науке. Речь идет об отсутствии полноценных научных дискуссий между конкурирующими научными центрами: научные конференции превратились давно не в места дискуссий, а в места встреч и знакомств; в научных журналах редко обсуждаются насущные проблемы с противоположных позиций, скорее — предьявляются наработки, а критики и полноценных откликов на них почти нет. Поэтому о какой-то конкуренции в научном плане не идет речи.

В.А. Конев: Да, известны. Думаю, что в Санкт-Петербурге значима традиция, зарожденная К.С. Пигровым с того момента, когда появился рукописный журнал «Сто страниц». Можно ли сказать, что это — школа Пигрова, как школа Платона? Вряд ли. Но без К.С. Пигрова и его энтузиазма заниматься «простыми темами» вряд ли бы появились такие имена, как Секацкий, Савчук и др.

Думаю, что когда-то зародилась и очень эффективно работала школа философии науки вокруг Института истории естествознания и техники, в которой вырос и стал её лидером В.С. Степин.

В Калининграде вокруг «Кантовского сборника» концентрируется сообщество кантоведов. Это — не школа в её классическом понимании, а сообщество, которое хранит и разрабатывает традиции профессиональных историко-философских исследований.

Думаю, что имеются и другие. Относительно схемы «учитель — ученик» думаю, что на локальном уровне она существует, так как настоящее приобщение к научному мышлению требует «рукоположения», непосредственного личностного общения.

А.А. Кузьмин: Таких философских школ в России имеется много. В первую очередь можно выделить именные школы: Библер в Москве, Диев и Целищев в Новосибирске, Молчанов в РГГУ, Васильев, Гиренок в МГУ, Микешина в МПГУ и т.д. Имеются также школы по направлениям: феноменология во Владимире, аналитическая философия в Томске. Другое дело, что запас прочности таких школ незначительный и они не могут продлить традицию за пределы схемы «учитель — ученик». А на Западе мы можем, например, кантовскую традицию довести от Канта до Гуссерля и далее. Поэтому отечественная философия отличается от других философий умением прерывать традиции и все начинать по-новому.

А.Л. Никифоров: Пожалуй, философские школы в России существовали всегда. В XX веке можно, например, говорить о школе Э.В. Ильенкова или школе Г.П. Щед-

ровицкого, которые до сих пор имеют сторонников и почитателей. Однако они никогда не были оформлены институционально, да и в советское время это было трудно сделать. В последние 20–30 лет, как мне кажется, не появилось каких-то ярких личностей, которые смогли бы привлечь внимание и интерес широкого круга философов. Но так обстоит дело во всем мире. Интересные мыслители, безусловно, имеются, но, как говорится, они «широко известны в узких кругах».

А.М. Орехов: Сейчас, действительно, имеется некий «психоз» у начальства: давайте, мол, создавайте школу! Но научные школы не создаются по указке сверху, а формируются снизу и, как правило, стихийно. И опять же школа или одиночный гений, — неважно, главное, чтобы был результат! Есть ли в отечественной философии школы? Бог их знает! «Школки», наверно, и есть, а вот Школы — вряд ли.

Э.А. Орлова: В российской институционально-бюрократической области, называемой философией, нет ни познавательных направлений, ни интеллектуальных лидеров.

К.С. Пигров: Без лидеров школа невозможна. В позднее советское время такие школы складывались, скажем, в МГУ или ЛГУ им. Жданова. Яркие индивидуальности рождали школы: Лосев, Щедровицкий, Ильенков, Свидерский, Тугаринов, и др. В постсоветское время, к примеру, В.А. Конев в Самаре, А.Е. Перцев в Екатеринбурге и др.

М.А. Пронин: Если бы была конкуренция на парадигмальном уровне — у нас бы была другая философия, так как были бы собственный синтез с парадигмальным конструктивизмом! Не следует путать с парадигмальным компаративизмом, историзмом и ведением.

Наукометрическое определение научных школ, как его трактует ФАНО и фонды, к философии на мой взгляд не приложимо. Формально критерии выполнены, а школы нет. И есть коллеги, у которых есть школы, но они не подпадают под таковое различение организаторов науки.

А так, в русской философии может быть всё, что угодно! Как в любви и в медицине, что мы и наблюдаем.

В.И. Разумов: Становление подобных школ в России затруднялось социальными пертурбациями XX в. В настоящее время школы начинают складываться, но это длительный процесс, причем он слабо поддерживается существующими в отечественной философии институтами.

Ю.М. Резник: Философская школа — это удел добротной классики, философские кружки — дань неоклассики. Школа центрируется вокруг философской доктрины её основателя. Сегодня же говорить о наличии одного лидера у того или иного философского течения очень сложно. В настоящее время больше распространены проблемные или проектные группы, в которых лидерство определяется ситуативно и в зависимости от личного вклада каждого участника проекта. Конечно, способность отечественной философии прерывать традицию и всё начинать заново тормозит процесс создания и функционирования философских школ.

В советское время существовали философские кружки и центры, но полноценных и оформленных институционально школ не было. Наши эксперты называют кружки В.В. Бахтина, Э.В. Ильенкова, Г.П. Щедровицкого и некоторых других мыслителей советского периода. Кто-то из них говорит о региональных центрах философии (ленинградский, уральский, новосибирский, ростовский и др.). Называть их философскими школами я бы не стал. В наше время имеется несколько ярких фигур,

популярных среди студентов и аспирантов философских факультетов. Но считать их основателями собственных научных или философских школ вряд ли стоит. Это — скорее кружки или проблемные группы, которые поддерживаются энергией и харизмой их руководителей.

Я думаю, что условное деление исследователей на философов и философоведов вполне оправдано в нынешних условиях. Поэтому мы в большинстве своём — философоведы, а станут ли некоторые из нас философами, покажет время. Как подчёркивает А.Л. Никифоров, интересные мыслители есть, а вот личностей, способных объединить и зажечь других, практически нет. Но они обязательно появятся. И российская философия возродится вновь.

В.М. Розин: На этот вопрос как раз ответить легко. Да, в России существуют философские школы. Лично я вышел из методологической школы ММК и у меня был учитель Георгий Петрович Щедровицкий. Хотя я никого сознательно не учил и не ставил задачей создавать философскую школу, человек десять называют меня своим учителем (это их право).

Я знаю также много философов, которые называли в качестве своих учителей Библера, Ильенкова, Мамардашвили, Розова и др. Но это не означает, что за каждым из них стояли философские школы. Чтобы понять, какие все-таки школы у нас сложились и продолжают работать, нужны специальные исследования и реконструкции. В отношении ММК такую работу я уже начал проводить, в частности, реконструировал этапы формирования этой школы, основные программы и идеи, отчасти, описал личность лидера.

О.А. Скоркин: К сожалению, такие школы мне не ведомы. Возможно, вопрос нуждается в конкретизации, а мои знания — в умножении.

С.А. Смирнов: Все же научная школа действительно носит имя основателя. Философская школа здесь не является исключением. Можно добавить Академию М. Фичино, Школу Конфуция. Мы же говорим между собой об «ильенковцах», о «щедровитянах». А далее школа разветвляется, образуются сети и коммуникации.

Но относительно философских школ необходимо учитывать специфику их деятельности. Школа Н. Бора или Школа П. Капицы по физике вынуждены существовать вокруг институций и лабораторий. Без физических экспериментов там ничего не скажешь. А вот школа философии превращается в сеть, поскольку мыслить можно в разных форматах, в разных междисциплинарных структурах и коллективах. Поэтому школа в философии превращается из отдельной институции типа кафедры и университета в институции сетевые и проектные.

В настоящее время вообще происходит смена субъектов-носителей и институций, носящих прецеденты философской мысли и философской практики. И сам философ перестал в этом смысле быть мыслителем-одиночкой. Он работает со своей функцией философа, осмысляющего феномены и процессы, но в больших межведомственных и междисциплинарных коллективах. Даже если он сидит в кабинете (что тоже не обязательно) и осмысляет процессы или проблемы, то лишь те, которые осмысляются им в рамках крупных проектов и в которых строятся гибридные форматы, научно-художественные и междисциплинарные предметы исследований. А сами исследования носят характер не классических объектных описаний с протоколами наблюдений, а проектно-ориентированных разработок, включенных в стратегии и программы развития.

Но сам факт идентификации и авторства той или иной философской группы (школы) никуда не ушел. Мы знаем о тех или иных исследованиях или работах, разумеется, по именам их авторов и, прежде всего, по именам лидеров тех или иных философских групп. Или просто по именам основных авторов. Эти авторы имеются, и они известны. Другое дело, что связь «учитель – ученик» институционально трудно подкрепить. Занятие философией – личная амбиция человека. И даже если у него появляются последователи, то это вовсе не означает, что у него возникает школа.

Г.Л. Тульчинский: Да, такие школы есть. В упомянутом Саратове, как минимум, две философские школы. То же самое в Екатеринбурге, Перми. И там имеются не один и даже не два видных лидера, а целые сообщества учеников, свои медиа. Например, в Сыктывкаре возникла новая точка роста в области философии и семиотики культуры.

6. Как Вы относитесь к такой институциональной форме, как Российское философское общество (РФО)? Считаете ли Вы достаточным для его деятельности издание Вестника РФО и проведение Российского философского конгресса? И что мешает последнему быть событием мирового или хотя бы национального масштаба?

С.С. Аванесов: Слава Богу, я никак не отношусь к этой чрезвычайно формальной «институции». Я считаю, что принадлежать к такой институции не только накладно, но и опасно для мышления: всякая подобная институция всегда – прямо или косвенно – старается цензурировать мысль путём её «организации», «направления» и «поддержки». Откровенность мысли – гарантия исключения из институциональной философской системы, в которой решения принимает тот, кто владеет «креслом» и «чином». Носителю независимого личного мышления и здравого смысла следует держаться подальше от таких «событий».

А.М. Бекарев: Едва ли я как-то к нему «отношусь», поскольку формализованные образования утратили уже давно для меня всякий интерес.

Ф.И. Гиренок: По поводу конгрессов. Философия, вытесненная наукой и религией на периферию общественного сознания, выглядит нелепо и смешно, устраивая как мировые конгрессы, так и региональные. В них видна претензия на научную новаторственность, для которой нет ни объективных, ни субъективных причин.

П.С. Гуревич: К Российскому философскому обществу отношусь уважительно. Стать событием национального или мирового масштаба конгресс, организуемый РФО, может. Ничто этому не мешает. Но будем ценить РФО хотя бы за то, что оно делает. Для более высоких целей нужны энтузиасты. Все время в опроснике ставится вопрос, кто кому мешает. Мыслей и планов много. Нужно еще хотеть и прилагать к этому усилия.

И.И. Докучаев: Российское философское общество – полезная социальная структура, поскольку позволяет в том или ином формате общаться философам друг с другом. Одно Вестника РФО и Конгресса мало, так как философов в России очень много. Относительно возможности Конгресса стать национальным событием хочу сослаться на свой ответ на первый вопрос. В России невозможна философия как национальное событие.

И.Т. Касавин: Российское философское общество – необходимая форма существования философии в России, аналогичная зарубежным. Основные формы его работы избраны правильно. К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных

причин содержание работы РФО вызывает определенные нарекания. Полагаю, некоторый прогресс может быть достигнут путем пересмотра Устава РФО, опоры РФО на реально существующие научные школы, а также использованием новых, нетрадиционных для РФО форм работы.

С.В. Комаров: К такой институциональной форме как РФО я не отношусь уже больше 25 лет. Не понимаю его задач и функций, не вижу результатов его деятельности в современных условиях. В работе Российских философских конгрессов принимаю участие. Быть событием хотя бы национального масштаба мешает отношение к нему отечественных философов: очень редко видел на этих форумах интересные фигуры и редко слышал интересные доклады.

В.А. Конев: Считаю, что РФО необходимо и благодаря ему все-таки сохраняется общность философов. Проведение Российских философских конгрессов, как я уже выше заметил, значимо в смысле общения, но, к сожалению, не значимо в содержательном смысле. Вероятно, нужно более строго отбирать доклады, которые выносятся на секции. Докладов как «живых» выступлений должно быть минимум, и они должны быть предметом обсуждения/дискуссий. А основная масса докладов должна быть «стендовыми».

А.А. Кузьмин: Российское философское общество (РФО) — это нужное объединение, и оно должно продолжать функционировать, не превращаясь в философский профсоюз. Формы его деятельности могут быть разными, но главной из них все же является проведение Российского философского конгресса. Вряд ли нужно расширять его представительство за пределы национальной российской территории, поскольку нам в данный момент нечего демонстрировать международному философскому сообществу в качестве результатов нашей деятельности.

А.Л. Никифоров: Мне трудно что-либо сказать о Российском философском обществе, поскольку, как мне кажется, я с ним никогда не соприкасался.

А.М. Орехов: РФО все делает, что оказывается в его силах. Ему бы пару миллиардов евро, — сделало бы и больше. Но где их взять?

Э.А. Орлова: РФО и его производные — это бюрократическое образование, не имеющее отношения к продуцированию философского знания. Какие философы, такое и их объединение.

К.С. Пигров: РФО — прекрасная идея, но она сознательно выхолощена, подобно тому как идея профсоюза хороша, но в нынешних условиях мертва или убита. Государство всецело подчинило себе гражданское общество, и в частности, РФО. Оно полностью поглощено и покорено философским истеблишментом. Спасибо энтузиастам РФО, которые делают хотя бы «Вестник» и Российский философский конгресс с ростками самостоятельности.

Философское общество могло бы представить фундаментальную альтернативу официальной философии и дать дорогу совершенно забытому движению самодеятельной философии, вроде «русского космизма» и др.

М.А. Пронин: РФО, как профессиональное сообщество, согласно веяниям последнего времени и требованиям национальной системы квалификаций и компетенций, — единственный субъект разработки профессионального стандарта деятельности. Почему «руководители философии» об этом факте, что уже «несётся по стране», не думают и не радуют о будущем профессии — это вопрос.

Где пройдет ближайший Российский философский конгресс? Нет ответа. Вот Вам и ответ на Ваш вопрос о национальном масштабе.

В.И. Разумов: В целом моё отношение к РФО положительное как к определенному ресурсному центру. Я вспоминаю обсуждение IV РФК в Москве в Интернет. На замечание о том, что на пленарном заседании не было Президента РФ появляется вопрос-комментарий: а что важного для себя как для Президента извлек бы из этого заседания В.В. Путин? Я согласен с этим комментарием.

Ю.М. Резник: К РФО отношусь хорошо. Там работают интересные люди, настоящие подвижники и служители философии. Лично у меня они вызывают глубокое уважение и симпатию. Стараюсь к ним чаще заходить и поддерживать морально. Но резервы для раскрытия научно-организационного потенциала у Общества всё же имеются.

Пора подумать о структурной реорганизации РФО. В своё время на философском конгрессе в Ростове-на-Дону я предлагал учредить в его структуре несколько обществ по отраслям или направлениям философии. Тогда ревнители единого общества не приняли моё предложение. Но сегодня эта идея начинает воплощаться в жизнь. Так появились и успешно функционируют Общество историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ, Русское феноменологическое общество, Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге, Военно-философское общество, Общество истории и философии науки и др. Некоторые из них входят в структуру РФО как ассоциированные члены. Мне больше нравятся малые формы профессиональных сообществ, которые находятся ближе к интересам своих членов.

Что касается Российского философского конгресса, то ему мешает стать событием общенационального и даже мирового масштаба не всегда актуальная повестка дня и слабо обновляемый состав основных докладчиков. С моей точки зрения, повестку и содержание пленарных докладов должен определять не Президиум РФО, состоящий, как ему и положено, из научных функционеров (руководителей разных институций – факультетов, отделений и пр.), а специально создаваемая экспертная группа, куда должны войти всеми признанные философы, в т.ч. известные зарубежные мыслители. Накануне очередного конгресса можно было бы провести опрос членов РФО о приоритетных направлениях исследований, предпочтительных темах и докладчиках с последующей публикацией его результатов в Вестнике.

В.М. Розин: На мой взгляд, РФО на развитие российской философии большого влияния не оказывает. Оно провинциально и второстепенно в плане идей, хотя и работает в столице и в Институте философии. Во всяком случае, Вестник РФО мне мало интересен, а философские конгрессы мало содержательны. Это – такая поверженная философская тусовка. Но может быть, я ошибаюсь.

О.А. Скоркин: Конечно, РФО нужно активизировать свою деятельность. Не знаю, что им мешает, хотя это – не полноценный ответ с моей стороны.

И.П. Смирнов: Для обсуждения философских проблем нужны рабочие группы. Дерзаний от больших философских конгрессов ожидать не приходится. Они подражают церковным соборам (ибо в философию, как в знание обо всем, можно только верить), но время установления догматов давно миновало.

С.А. Смирнов: К Российскому философскому обществу никак не отношусь. И никогда не публиковался в Вестнике РФО. Хорошо это или плохо – не знаю. Это просто констатация. Но также констатацией является и тот факт, что размещенный в НЭБ Вестник РФО, выходящий с 1999 года, не имеет никакого импакт-фактора. И статьи этого Вестника даже в НЭБ размещаются не систематически. Этот журнал не

является коммуникативной площадкой, как-то организующей философские сообщества и группы.

Словом, Вестник РФО живет своей жизнью, а философские сообщества своей. Равно как и философские конгрессы проводятся сами по себе. Они не являются событиями философской жизни. Просто потому, что в их работе принимают участие не философы, а философские функционеры, институционально привязанные к учреждениям – деканы, заведующие кафедрами, академики, профессора и т.д. При организации и проведении философских конгрессов их устроители смотрят не на имя и проблематику, а на статус докладчика. Именно это и мешает им быть событиями в философской жизни страны.

Г.Л. Тульчинский: Полагаю, что ответил на этот вопрос в п.4.

В.Н. Щербина: Был когда-то записан в отделение РФО, созданное в Запорожье, но коммуникация у нас так и не состоялась. Вестники общества периодически попадают мне в руки, но они очень разные по содержанию. На Российском философском конгрессе не бывал. Поэтому не могу судить о деятельности РФО.

7. В чём Вы видите необходимость сохранения обязательного преподавания философии в университетах страны? Если это необходимо, то зачем? Если нет, то в каком виде философия должна присутствовать в современных университетах? Что делать с тем, что в случае отрицательного решения будут упразднены кафедры философии в отечественных вузах и останутся безработными тысячи преподавателей философии? Ведь философам, чтобы выжить, придётся поменять род своей профессиональной деятельности. А ведь для них это смысложизненный и судьбоносный вопрос.

С.С. Аванесов: Философия оставлена в поле образования из милосердия к армии «профессиональных философов», от подавляющего большинства из которых нет никакой пользы обществу. Философия при этом (в качестве платы за сохранение «жизни») низведена на уровень служанки научно-технического образования и согласилась с этим статусом.

Но философия должна преподаваться совершенно иначе – не как ещё одна (дополнительная и неочевидная) «учебная дисциплина», а как фундаментальная образовательная программа, реально (а не на словах) консолидирующая все прочие учебные дисциплины (даже физкультуру) и соотносящая содержание этих дисциплин с *личностью* обучающегося.

Итак – не одна из многих (ограниченных, «специальных») дисциплин, а базовая обобщающая и апперципирующая программа. В этом смысле философия должна быть педагогикой, а философ – куратором, консультантом и «настройщиком» будущего узкого специалиста, который при этом должен стать и максимально *широким* культурным субъектом.

Образовательный стандарт по философии надо *радикально* пересмотреть с точки зрения его содержания и логики: философия должна отвечать на те вопросы, которые сформулировало общество, а не на те, которые сформулировала она сама (какая кому разница, что «первично» или каковы «наиболее общие законы?»). Но об этом, конечно, речь может идти в обстановке широкого общественного диалога, а не в условиях «выживания».

А.М. Бекарев: Думаю, что философия в университетах нужна для сохранения «критического мышления».

Ф.И. Гиренок: Зачем нужна философия? Преподавание философии – это слабая попытка научить людей строить вокруг себя ментальный барьер от вербального мусора, от проникновения в наши головы мыслей, которые порождены не нашими головами.

П.С. Гуревич: Без философии нет и не может быть образования. Идеал классического образования включал в себя науку и философию. Вопрос, зачем нужна философия, пусть обсуждают троглодиты. Кафедры философии наверняка закроют. Почти повсеместно закрыли кафедры психологии. Теперь Министр образования ищет психологов в школы. Суть вопроса понимают все. А что надо делать? – вопрос провокационный. Все знают, что этого нельзя допустить. Но все принимают жертвенно любое решение власти.

И.И. Докучаев: Философия как культурная традиция обладает своеобразной спецификой, ибо представляет собой форму научного знания, хотя и не позитивного. Поэтому её можно и должно с большим успехом преподавать в различных учебных заведениях. Это – знание простое, ибо оно хорошо воспроизводимо каждым учеником в рамках собственного опыта переживания мира. Такое знание играет существенную роль в становлении личности как ответственного и рационального социального субъекта. Поэтому значение философии как учебной практики не может быть поставлено под сомнение. Утрата философского образования станет еще одной трагедией в истории отечественной культуры.

И.Т. Касавин: Место и роль философии определяется статусом и ориентацией конкретного университета в той мере, в какой он обретает самостоятельность от МОН (и ВАК). Есть три основания для сохранения философии в качестве обязательного предмета. Первое – это её возможная и реальная роль в миссии университета как культурного центра, особенно в регионах. Второе определяется способностью философов включиться в междисциплинарное взаимодействие и играть роль медиатора в «зонах обмена» разного типа. Третье основание имеет отчасти конъюнктурный характер и состоит в способности философии обеспечить вхождение в предметный международный рейтинг по программе «5-100», поскольку философия демонстрирует значительно более высокий потенциал, чем биомедицинские исследования. СAE (см. прим. 2), в центре которой находятся философы, может дать большой эффект.

С.В. Комаров: Речь идёт не о философии, а о её преподавании в вузах. Я более 30 лет преподаю философию в университетах – на философском факультете и на непрофильных факультетах. Считаю, что без философии высшее образование крайне ущербно, хотя общая тенденция – к сокращению, превращению ее в факультатив, в дисциплину по выбору (тем более, что она есть во многих техникумах) или вообще устранению философии из высшего образования.

Мне думается, что университетское образование – и по идее университета, и в форме современного вуза – должна посредством образования формировать личность. А это невозможно без формирования целостного сознательно построенного и критического мировоззрения. Такую функцию выполняет только философия. Однако, это только общие слова, поскольку в реальной деятельности преподавания философии сделать это невозможно – по меньшей мере, по двум формальным причинам (в реальности – их больше): 1) крайне малое количество часов, отводимых на эту дисциплину, и 2) низкое качество «человеческого материала» (извините за такой сленг!), поступающего в вузы (школа, а точнее – вся система взросления в условиях совре-

менных коммуникаций — за редким исключением — «дает» крайне невежественных и бескультурных в массе абитуриентов; это очень заметно на протяжении 20-15-10 последних лет). На философских факультетах легче, поскольку туда идут в большинстве своём мотивированные абитуриенты; на других же факультетах ситуация зачастую рождает апатию. Однако, наш долг, несмотря на это, выполнять свое дело: пытаться зародить в студентах интерес к философии.

Если тенденция продолжится, то преподавание философии будет просто бессмысленным делом. Думать нужно об этом, а не о том, что будут упразднены кафедры философии и тысячи преподавателей будут безработными.

Что же касается того, что философам в этом случае придется поменять род своей профессиональной деятельности, то у меня здесь свое мнение. В начале 1990-х именно для того, чтобы выжить, мне пришлось «выйти» из профессии и уйти в бизнес. Я знаю, что это такое, испытал «на собственной шкуре». Я до сих пор — почти 25 лет — сижу на 2-х стульях. Ничего хорошего в этом нет. Но скажу, это плохо для индивида, но ничего не значит для философии. Всякая смена жизни и профессии — для любого человека — есть смысложизненный или судьбоносный вопрос.

Это вопрос выбора и строительства новой линии жизни. Хотя, соглашусь, для философа он решается особо болезненно. Однако, поскольку философия все-таки творится не только в школьных аудиториях, но прежде всего — в коммуникации с людьми, то она останется, как и останется наш долг быть философами в этих условиях. Примером тому являются А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили, которые не были прикреплены к «профессиональному месту работы» (см. п.1).

Однако, повторяюсь, риск в том, что человек — преподаватель философии — обязательно выживет, а вот философия в этом случае вполне может погибнуть. А это уже крах всей страны.

В.А. Конев: Коллеги! Убеждать друг друга в значимости философии как культурного явления вряд ли нужно. Ясно, что современное образование меняет свою направленность, в нём возрастает гуманитарная составляющая. Это — требование современной цивилизации. Если преподавание философии уберут из вузов, то это будет означать, что не только наше образование будет осколченным, но это скажется и на возможностях страны сохранить себя и свою самостоятельность. Армия — не основа сохранения страны, хотя это не значит, что её не нужно укреплять, перевооружать и т.п. Основа сохранения самостоятельности общества и страны в истории — это культура. Это же очевидно!

А.А. Кузьмин: Сохранение обязательного преподавания философии в университетах страны я не связываю с тем, чтобы кто-то решал свои смысложизненные и судьбоносные вопросы за государственный счет. Проблема философского образования так остра, так актуальна, что нельзя предлагать какие-либо рецепты без широкой дискуссии по этим вопросам. Если же философию постигнет та участь, о которой говорится в вопросе ЛКО, то в России уже ни раз запрещали философию и мы к этому привыкли. Можно запретить преподавать философию, но нельзя запретить философствовать. Будем философствовать на площадях.

А.Л. Никифоров: Вопрос о преподавании философии в вузах мне представляется чрезвычайно важным. Несколько лет тому назад я полемизировал по этому вопросу с профессором Учайкиным из Ульяновского университета. Он опубликовал статью, в которой доказывал, что поскольку вуз ныне должен готовить узких специалистов,

конкурентоспособных на рынке труда, то в учебных программах должны быть оставлены только специальные дисциплины, а историю, культурологию, философию следует исключить из этих программ. Кто хочет, тот может заниматься этими вещами факультативно и за особую плату. К сожалению, такое умонастроение распространено не только среди чиновников, руководящих образованием, но и среди самих ученых и преподавателей вузов.

Как мне представляется, такое отношение к гуманитарным дисциплинам и, в частности, к философии вытекает из отношения к человеку как к некоему винтику социальной системы. Действительно, каждый год миллионы людей покидают свои рабочие места — по старости, вследствие болезни и т.п. Их нужно заменять, иначе система начнет давать сбой и развалится. Вот вуз и должен готовить инженеров, бухгалтеров, врачей, способных заменить ушедших. И ничего более!

Мне кажется, что люди, придерживающиеся такой точки зрения, упускают из вида два важных обстоятельства. Во-первых, обществу ведь нужны не только специалисты, но и законопослушные граждане, руководствующиеся в своей деятельности базовыми ценностями. Нужны ли нам инженеры, которым безразлично, что конструировать — автомобиль или взрывное устройство для террористов? Нужны ли нам хирурги, которым безразлично, кого и как резать? А для воспитания гражданственности как раз и нужны гуманитарные дисциплины — отечественная история, отечественная культура, философия.

И второе. Когда мы настаиваем на том, что вуз должен заботиться только о подготовке квалифицированного специалиста, то мы смотрим на молодого человека только с одной стороны — со стороны общества: как сделать из него полезный винтик общественного механизма? А что хочет получить от высшего образования сам молодой человек? Разве достаточно ему того, что он будет конкурентоспособным специалистом на рынке труда? Нет, каждый из нас мечтает прожить полноценную, наполненную интересными делами и событиями жизнь, реализовать все способности, которыми наделила нас природа, насладиться красотой окружающего мира и выдающимися достижениями искусства.

Современная цивилизация предлагает для этого небывалые ранее возможности. Но для самореализации, для наслаждения величественным зрелищем водопада или вулкана, Тадж Махала или Парфенона, для того чтобы сторгать от любви или плакать от восторга, нужно обладать определенной степенью духовного развития. Основы такого развития закладывает философия — именно знакомство с ней побуждает человека задуматься над ценностями и смыслом своего существования. Именно она очерчивает для него основные контуры мира культуры, в который вписываются история, литература и искусство. И именно она говорит ему о том, что добро и красота не менее важны для жизни, чем мобильный телефон.

Антропологи говорят нам, что человек вышел из животного мира. Миф, религия, искусство в течение многих тысячелетий старались подавить в человеке животные инстинкты, взрастить в нем человеческое, пробудить стремление к высокому — к Богу, истине, красоте. В своем историческом развитии человечество создало культуру, приобщение к которой только и делает человека человеком. Сейчас, кажется, нас опять пытаются вернуть в животное состояние, внушая, что нет любви, а есть только животное совокупление; что нет нравственности, а есть только право; что разрешено все, что не запрещено законом; что счастье заключается в накоплении и по-

треблении... И только знакомство с философией еще способно заставить человека задуматься над тем, кто же он? Для чего живет?

А.М. Орехов: Существовать ли философии в вузах – решают не философы, а университетское начальство и представители Минобрнауки. Если её упразднят, – значит, так и тому и быть, – начальству виднее. Страна станет глупее на порядок, – может, нынешней власти это так и надо?

Э.А. Орлова: Философию в вузах следует преподавать обязательно и факультеты или кафедры следует сохранять. Есть мировая философия, которая всегда составляла основу разного рода наук и исследований. Может быть, следовало бы продумать, как изменить структуру преподавания философии.

К.С. Пигров: Моя профессиональная принадлежность рождает безусловный «философский патриотизм». Но я понимаю именно профессиональную предвзятость и ограниченность моей позиции. Если попытаться выйти за её пределы, то получится примерно следующее.

Реально намечаются следующие поисковые стратегии:

1) Власть разведывает возможную перспективу построения духовной атмосферы в стране по типу «Православного Ирана», где на место сегодняшней философии в системе массового высшего профессионального образования было бы поставлено, например, православное богословие.

2) Наша русская культура литературоцентрична, а потому возможно в высшей школе подчеркнуть преемственность традиции средней школы, где основой гуманитарного образования является русская художественная литература. Во всех вузах, включая технические и естественнонаучные, можно было бы поставить на первое место курс литературы для высшей школы в его философском мышлении прочтении, подчинив базовому курсу литературы краткие курсы философских знаний и богословия.

Пока общество для таких «инновационных» стратегий не созрело. Ключевые посты в системе образования занимают люди, получившие атеистический и техникский импринтинг, и для этого поколения самое разумное в высшей школе оставить именно философию в виде ядра общей гуманитарной подготовки. Возможно, что в качестве переходной стратегии можно бы сделать упор на культурологию.

М.А. Пронин: Я частично на эту батарею вопросов уже ответил. Добавлю конкретики. Есть справочник профессий будущего. Его разработало Агентство стратегических инициатив совместно с Национальной технологической инициативой. Преподаватель философии способен ли, исходя из парадигм анализа, историзма, компаративизма и источниковедения, что-то вмняемое сказать хотя бы для одной новой профессии? Профессии, что за поворотом?

В.И. Разумов: По мысли Р. Коллинза, начиная с XVIII в., за преподаванием философии в университетах закрепляется функция поддержания в университетской среде необходимого для обучения и исследований уровня абстрактного мышления. В отношении сокращения в вузах учебных нагрузок и преподавателей по философии, могу сказать, что, увы, это – последствия избыточного расширения в науке и в образовании, начавшееся с 1960-х годов, а в настоящее время идет обратный процесс – сокращение.

Жизненные обстоятельства бросают философам вызов. В качестве ответа следует актуализировать свои позиции в интеллектуальной специализации труда, обосновывать свою необходимость в преподавании, в производстве знаний в целом.

Ю.М. Резник: Философию нужно сохранить как обязательную дисциплину. У неё имеется множество функций в образовательном пространстве. Но в первую очередь она призвана формировать общее мировоззрение становящейся личности специалиста. Поэтому главная функция преподавания философии – мировоззренческая.

Вместе с тем преподавание философии выполняет и идеологическую функцию, которую пока тоже никто не снимал с повестки дня. Возможно, все беды отечественной философии как раз заключаются в том, что она плохо стала справляться с этой ролью и «выпала» из арсенала идеологической машины государства. В идеале философия должна быть идеологией свободного гражданского общества (как система базовых идей), о чём постоянно говорит В.М. Межуев, а в реальности от неё требуется позиция косметолога, приукрашивающего действительность. Поэтому и преподавание философии, если оно не подчинено этой идеологической миссии, перестаёт быть востребованным государством.

В наше время, когда предпринимаются попытки обосновать новый (постсоветский) вариант идеократического режима, философия не может оставаться в стороне, сохраняя свою интеллектуальную стерильность.

Конечно, я сознательно искажаю ситуацию, представляя философию как инструмент идеологии. В ней много чего есть другого, в т.ч. содействие выработке жизненной стратегии личности, о чём прекрасно говорят наши эксперты. И не всё так плохо обстоит в философском образовании, как бы кому-то не хотелось. «Смерть философии» в образовательном пространстве пока отложена на неопределенный период, а её жизнь зависит во многом от нас и наших усилий.

В.М. Розин: К сожалению, преподавание философии в наших университетах оставляет желать лучшего. Сделаю отступление, чтобы поделиться своими размышлениями в этой области и результатами практики преподавания. Как правило, курсы преподавания философии в высшей школе строятся по следующей незамысловатой схеме: авторы определяют, что такое философия, её сущность и функции, затем рассказывают о взглядах крупных философов, философских системах, отдельных направлениях философии, проблемах, которые в философии обсуждаются. Некоторые ухитряются даже изложить историю философии. При этом приходится становиться на точку зрения изложения философских идей, проблем и целых учений, предельно упрощая и схематизируя их содержание, отбрасывая многочисленные различные их истолкования в истории философской мысли, игнорируя реальный факт непонимания многих смыслов философских представлений и понятий.

«А как же иначе? мог бы спросить преподаватель философии, разве изложение философии не должно быть ясным и понятным?» Безусловно, но ведь это не эквивалентно тому, что сами философские представления и понятия должны быть освобождены от многозначности, различных истолкований, понимания и непонимания. Изложение философии как ясной и однозначной реальности, как системы философских знаний о мире или человеке, как еще одной, самой общей, но, по сути, точной науки, на мой взгляд, не только не открывает философию для студента, но, напротив, закрывает его сознание для постижения философской мысли, и часто, навсегда.

К тому же современная философия мало похожа на традиционную. На смену классическим всеобъемлющим философским системам, с которыми мы связываем имена гениальных мыслителей-философов (Платона, Аристотеля, Плотина, Ф. Бэкона, Локка, Декарта, Канта, Гегеля и др.), пришли частные философские концеп-

ции и осмысления. Их много, они строятся на разных ценностных и онтологических основаниях. Как правило, представители этих философских течений полемизируют друг с другом. Многие объекты философской мысли (человек, культура, язык, наука, природа, техника) анализируются другими гуманитарными науками в истории, культурологии, социологии, языкознании и т.д., в результате в настоящее время неясно, где проходит граница между философией и гуманитарными науками. Что же, спрашивается, в таком случае делать?

Выход из подобных ситуаций был намечен еще в конце прошлого столетия в рамках методологической школы, которая в России была очень сильна. Учить нужно не знаниям, утверждали представители этой школы, а мышлению и способам деятельности. Очевидно, в курсах преподавания философии не имеет смысла пересказывать основные философские системы и взгляды крупных философов. Цель должна быть другая: ввести в реальность философской мысли и работы, сориентировать студента в «ментальном пространстве» философии, т.е. обрисовать основные подходы и направления философской мысли, основные темы и проблемы, обсуждаемые в философии.

Исходить из истинного знания философии и форм её преподавания я не могу, они мне не даны, да и вряд ли такое знание существует. Кто, спрашивается, будет судьей в выборе той или иной концепции философии или способа её преподавания? Я могу опираться лишь на свой опыт и размышления. Попробую суммировать их.

Во-первых, овладение философией (погружение в неё, ориентировка в философии и т.п.) не может происходить на основе усвоения философских знаний или «образовательных философских нарративов» (т.е. повествований о философии). Овладение философией предполагает значительную работу мысли, обращение к своей жизни, прохождение пути, на котором необходимо преодолевать различные затруднения: стараться понять непонятное, уяснять (рефлектировать) чужие и свои представления, вырабатывать собственную позицию, совершать поступки и прочее.

Во-вторых, опираться при этом можно, с одной стороны, на анализ философских произведений (философских первоисточников и комментариев к ним), с другой на гипотезы, характеризующие время, культуру и личность философов, создавших данные произведения, а также возможную логику построения этих произведений. Идея здесь простая: понять философское произведение (философский нарратив) можно, уяснив (это предполагает специальную реконструкцию), как оно создавалось, какие социокультурные и личностные факторы играли при этом существенную роль. Нужно восстановить и понять ту личную и объективную ситуации, в которых творил философ, а также, встав в его позицию, осуществить вместе с ним основные шаги, приведшие к созданию философского произведения.

В-третьих, анализ и реконструкция философских произведений позволяет параллельно обсуждать, что такое философия и каковы её особенности. При этом важно учитывать, что философия и философская мысль меняются, развиваются; это не исключает наличие в них определенных инвариантов.

В-четвертых, роль педагога в процессе овладения философией напоминает позицию «сталкера», проводника. Вместе со студентом он преодолевает различные интеллектуальные трудности, решает проблемы, обсуждает природу и особенности философских произведений и самой философии. Хотя он знает «путь», по которому ведет «подвизающегося» в философии, но каждый раз сам обнаруживает, что

многое в «местности», где они путешествуют, изменилось и нужно заново прокладывать тропинку.

В-пятых, в качестве материала для анализа и реконструкции должны быть взяты такие избранные философские произведения, которые позволяют сформулировать основные гипотезы и представления о характере философской мысли и природе философии. Сквозной и всеобъемлющий анализ философских произведений и невозможен, и не нужен.

В-шестых, анализ избранных философских произведений может быть дополнен «генезисом» (т.е. теоретической реконструкцией происхождения и развития) философского мышления. В результате возрастает вероятность того, что не будут пропущены какие-то существенные для современной философии моменты.

В-седьмых, поскольку судьба философии в нашей культуре тесно связана с судьбой науки (философия является одним из основных механизмов конституирования науки и, одновременно, сама обусловлена идеалами и материалом науки), постольку генезис философской мысли должен включать в себя и анализ формирования основных этапов и идеалов науки.

Исходя из этих установок, я и читаю в последние 12 лет семестровый курс «Введение в философию» для студентов философского и политологического отделения Государственного академического университета гуманитарных наук. Курс состоит из лекций и работы в творческих группах. Групповая работа может быть понята как пример новой образовательной практики. Своих студентов я рассматриваю как новое поколение, которое на лекциях и в группах, заново, по-своему устанавливается относительно содержания, которое я им стараюсь передать. Поэтому сдвиг в понимании, произошедший в последние два года, и яркая креативность многих студентов (это продемонстрировали рефераты) вполне закономерны, хотя меня и приятно удивили. Более подробно с наиболее показательными творческими текстами студентов первого курса ГАУГН, осваивавших философию по данной методе, можно познакомиться в книге «Приобщение к философии. Новый педагогический опыт» (Сост. В.М. Розин. М., 2009).

Теперь отвечу и на другие вопросы. Философию нужно преподавать факультативно, под запросы студентов или будущих работодателей. Например, в технических университетах стоит читать разделы из философии техники (кое-что из истории техники, понятие техники и техногенной цивилизации, понятие технологии, последствия научно-технического развития, представление о рисках и оценке техники, принципы инженерной этики).

Подлинный философ не может остаться без работы, поскольку философствование это образ жизни. А судьба философа-специалиста и педагога зависит от общих институциональных реформ в России. Все говорят, что они неотвратимы, вот только когда начнутся, никто сказать не может.

И.П. Смирнов: Преподавание философии в известном смысле невозможно, потому что она не дисциплина среди прочих отраслей знания, а творческая способность человека думать *in extremis*, достигая последней границы мыслимого. Преподавание же истории философии — острейшая необходимость: оно открывает молодым людям тот не всегда очевидный для них факт, что они принадлежат к млекопитающим, перешедшим по ходу эволюции в класс *homo sapiens*, то есть переставшим быть озабоченными одним лишь выживанием.

С.А. Смирнов: Философия как обязательный учебный предмет в вузе — наследие советской эпохи. Понятно при этом, что тогда преподавалась идеология. Затем последняя ушла и вместо неё стали «преподавать» Декарта с Хайдеггером. И они в итоге умерли второй раз. Я бы обсуждал поэтому не преподавание само по себе, а сам статус кафедр философии и способ существования, формы институционализации философии в университетах.

Философию, разумеется, надо оставлять в вузах. Но здесь мы сталкиваемся с рядом проблем. В том виде, в каком сейчас осуществляется преподавание философии в вузах — этого категорически делать нельзя. Это — бред и извращение. Но приобщение студентов к образцам мышления и культурным текстам должно быть, причём в формате авторских спецкурсов, спецсеминаров и факультативов. И здесь возникает проблема: кто и как формирует эти курсы, объёмы и форматы курсов, определяет учебную нагрузку и вообще роль и место таких философов, ведущих только такие спецкурсы, на которые можно и нужно записывать слушателей, но только на добровольной основе. А дальше — отбор. Кто заденет студентов, тот и останется. А сдавать зачеты и экзамены по философии Платона и Ницше — это издевательство.

Другое дело, что, коль скоро у нас тысячи преподавателей философии (как тысячи преподавателей психологии, экономики, математики), но мало философов, математиков, экономистов, т.е. мало действительно ученых и исследователей с авторским именем, то поэтому возникает социальная проблема трудоустройства тысяч доцентов и профессоров. Куда их деть? Впрочем, эта проблема решаема. Достаточно поменить ФГОС.

Отдельной проблемой является профессиональная подготовка философов. Здесь нужно просто более жестко подходить к отбору студентов. Философское дарование, фактически, такое же явление, как и дар скрипача или математика, или шахматиста. С одной стороны, нужен дар, а с другой стороны, этот дар необходимо пестовать. Поэтому здесь необходимо выстраивать систему творческих мастерских, как в театральных вузах. Так, например, проводится набор в мастерскую О. Табакова. Такой же набор можно было бы делать в мастерскую философа имярек. Это в принципе тоже решаемый вопрос, чисто технический. Было бы желание и согласие чиновников от образования и науки. Но то, что философия тоже должна быть пройдена неофитом как школа, имеющая и свою мастерскую, свою вышколенность, свои опорные тексты, языки, свои компетенции и навыки — это однозначно. Именно выучки и школы многим современным философам и не хватает. В итоге получаем демагогов и идеологов.

Г.Л. Тульчинский: Давно и принципиально убежден, что философию в высшей школе имеет смысл преподавать только на философских факультетах и курсах. В принципе философии и логике место в средней школе, а в вузе их преподавать уже поздно. А вот в 13-17 лет — самое то. Но не в виде лапидарного чтения философских дисциплин, как это делают наши постсоветские вузовские преподаватели, а как школы постановки вопросов и поиска ответов на них.

Недаром у нас неоднократно предпринимались попытки реализации таких учебных проектов: в Санкт-Петербурге, в Ростове-на-Дону, в Екатеринбурге. И реализации были очень успешными — настолько, что вызывали реакцию со стороны органов методического руководства. Но это хороший способ «выжить» для «профессионалов философии», к которому они не привыкли — ведь придется говорить на понятном

языке с детьми, а не сыпать терминами, смысл которых не понимают даже философы других направлений.

Также полагаю, что претензии на кандидатский экзамен по философии – атавизм советского времени. Молодых ученых – естественников, да и социологов, гуманитариев – надо учить профессии, знакомить с методологией и историей науки, с её позиционированием в социуме.

Но всё это отнюдь не исключает профессиональные публикации как в периодике, так и монографии, проведение профессиональных дискуссий.

В.Н. Щербина: Проблема в том, что философия в её прежнем историческом изводе недавно закончилась, а философы еще остались: «рок-н-рол-мёртв, а я еще жив». И они единственные, кто пока не может этого понять, поскольку именно они и должны понять это первыми.

Профессиональный статус философа и положение в обществе необходимо сохранить не для философов, а для общества – без этого последнее рассыплется. Необходимость в философии связана с тем, что нужно воспроизводить сознание человека с высоким уровнем организации, достаточным для освоения логики процессов современного сверхсложного мира. Без философских оснований невозможно транслировать массив знания как целое, а это, в свою очередь, ограничивает возможности его развития в соответствии с неизбежно возникающими новыми проблемами.

Опыт последних десятилетий показывает, как без философии мы превратились в «Планету обезьян», где много чего случается, но ничего не происходит: чтобы состоялось событие (со-бытие), необходим зритель, т.е. связывающий воедино всю картинку разум. И эта «картинка», будучи распространённой и усвоенной (разными способами), позволяет всем выйти из зацикленного состояния, прервать «бесконечно длящееся настоящее». Но это историческое состояние, которое нужно пережить, осознав и предложив новый вариант институционального решения.

Преподавание философии – это шанс для студента стать субъектом, распорядителем своей жизни и жизни своего общества. Выберет ли он его, зависит от массы условий необходимых, но не решающих.

Государство по-прежнему «сильно сознательностью масс» и ключевую роль в воспроизводстве поколения, обладающего способностью осознать свою культурную целостность и удерживать её, выполняет как раз философия. Надежды на религию несколько преувеличены. Поэтому и с государственнической точки зрения преподавание философии в высшей школе и культивирование философского мышления в обществе – одна из опор, фундаментальная основа обеспечения устойчивости и развития общества.

Многим преподавателям в период институциональной ломки придётся «переквалифицироваться в управдомы» (например, в социальных работников). Им это может даже понравиться, поскольку они часто относятся к философии как к профессии. Но стоит подумать и о новых видах деятельности философов, в частности, о региональных аналитических и публичных сообществах, культурно-просветительских проектах, социально-гуманитарной экспертизе различных процессов.

Но это потребует денег, административной поддержки и отдельного внимания, что, в конечном итоге, упирается в политическую волю лиц, принимающих решения. Есть такая украинская поговорка «дешева рибка – погана юшка» («дешевая рыбка, плохая уха»). Дешевая философия – примитивное общество. Со всеми вытекаю-

щими обстоятельствами: и ракеты не полетят, и очередной Колумб не откроет нас как очередную Америку.

Без философии мы погружаемся в состояние вторичной дикости. Не помню, кто заметил, что Колумб завоевал индейцев, а не наоборот. Это произошло потому, что у него была более широкая картина реальности, где индейцы занимали определенное место. А в картине последних он был их Богом.

Еще раз подчёркиваю, философия — очень дорогое удовольствие и требует больших общественных затрат. Не случайно она появлялась всегда там, где существовал высокий уровень избыточного продукта. Не понимая этого, мы будем жить в хижинах, населенных простыми, хотя и приветливыми дикарями, верящими в местных духов. Философское мышление — единственный способ увидеть мир как целое, в т.ч. увидеть единство сюжетов различных политических сценариев, т.е. то, что происходит в действительности, а не только в наших представлениях о ней. А знание, как известно, — сила, как заметил один англичанин ещё задолго до того, как островитяне создали империю, над которой теперь не заходит Солнце.

8. Как Вы относитесь к нынешней системе научного рейтинга в России (показатели РИНЦ и пр.)? Насколько она позволяет зафиксировать личный вклад того или иного исследователя в развитие философии и науки? Каким бы был, на Ваш взгляд, индекс Хирша у М. Хайдеггера, если бы он сейчас был жив? Измерим ли в принципе масштаб деятельности философа?

С.С. Аванесов: К сожалению, ситуация заставляет современного отечественного философа принимать навязанные ему «правила игры» со всеми её искусственными рейтингами. По большому счёту, любой рейтинг бессилён дать реальную картину положения дел в области философии: если это будет *общий* рейтинг, то даже самый выдающийся философ проиграет среднему поп-певцу (скажем, Мамардашвили с треском проиграет Киркорову); если же это будет *внутренний* (философский) рейтинг, то он не сможет продемонстрировать *общественного* признания, это будет, так сказать, корпоративный рейтинг. А «масштаб» деятельности философа должен измеряться не его известностью в узком профессиональном кругу, а его общественными заслугами и его вкладом в культуру. Но это определяется, как мы знаем, только посмертно.

А.М. Бекарев: У М. Хайдеггера индекс Хирша был бы недопустимо низким, у Ф. Ницше его бы не было при жизни, а Гегель и сейчас бы не прошёл по конкурсу на должность ассистента. И вообще к цитированию отношусь не очень хорошо, поскольку некоторых авторов процитировать почти невозможно, но они запоминаемы и неповторимы.

Ф.И. Гуренок: К рейтингам я отношусь спокойно, ибо они никакого отношения к внутренней философской иерархии не имеют. Философ понимается не индексом Хирша, а философией.

П.С. Гуревич: Раньше авторитет ученого определяло, прежде всего, научное общество. Иметь положительное или отрицательное отношение к рейтингам, поскольку они меняются произвольно, бессмысленно. Я, к примеру, много лет руководил сектором издания философской классики. Одним махом этот показатель убрали из критериев. Завтра придумают еще что-нибудь, что изменит всю картину отчетности. Как можно относиться к грамам чиновников — что тут есть два мнения? Но масш-

таб деятельности философа, конечно, измерим. Понятное дело, не количественно. Система научного рейтинга вызвала массовое неуважение к философской классике. Формально, по цифрам можно догнать и Канта.

И.И. Докучаев: К наукометрии в области гуманитарных наук и философии я отношусь крайне отрицательно. Это — такие сферы знания, которые не имеют строгого и объективного предмета. Каждый ученый и философ его в той или иной мере конструирует, популярность же такого рода конструкций не может быть эквивалентом их ценности. То, что популярно сегодня, завтра перестанет им быть. Измеряется то, что можно верифицировать или фальсифицировать, то, что имеет характер поступательного развития и роста.

Далеко не случайным является западное различие наук и сферы humanity. По отношению к этой сфере наукометрия почти нигде не используется, однако у нас она используется почти одинаково и по отношению к ней, и по отношению к позитивному знанию. Это — полнейшее безумие. Впрочем, у нас ведь всё измеряется в последние годы крайне странно. Например, библиотеки и музеи — по количеству посетителей, произведения искусства — по количеству продаж. Так что этот тренд — измерить неизмеримое — общая участь нашей сегодняшней культуры. Надо пережить его, он однозначно закончится, ибо ни один маразм не является вечным.

И.Т. Касавин: Система научного рейтинга в России сегодня чрезвычайно неоднородна. «Карта науки» была и осталась неадекватной. РИНЦ последнее время активно совершенствуется. Все больше организаций получают доступ в Web of Science и Scopus. В целом, если смотреть на то, как иностранные агрегаторы и индексы работают в развитых странах Запада, заметно очевидное навязывание англоязычными информационными ресурсами мнения о преимуществе ученых-носителей английского языка перед всеми остальными. Отчасти это оправдано хотя бы тем, что подавляющее большинство научных журналов издается именно на английском языке и публикует материалы международного научного сообщества.

РИНЦ постепенно движется в правильном направлении, ужесточая требования к научным журналам и выдвигая на первый план из всех показателей «двухлетний индекс Хирша без самоцитирования по ядру РИНЦ». В перспективе это — нечто подобное Web of Science Core Collection, т.е. показатель принадлежности к научной элите. Этот показатель действительно отражает реальное место ученого, журнала и организации в науке, измеряет их вклад в общее дело «по гамбургскому счету». Естественно, общая оценка не может этим исчерпываться, она включает, среди прочего, важную экспертную составляющую.

Какой индекс Хирша был бы у Хайдеггера сегодня? Вопрос требует уточнения. Индекс Хирша, в особенности, в гуманитарных науках, есть функция времени. Нередко он отражает то обстоятельство, что автор публикуется уже длительное время. Иногда он отражает абсурдность некоторой идеи, с которой многие спорят. В этом смысле мы не узнаем в точности, о чем свидетельствовал бы высокий индекс Хирша у Хайдеггера, а он, конечно же, был бы таковым: о его популярности; о большом количестве его критиков; о длительности процесса чтения его работ; и т.д.

С.В. Комаров: К нынешней системе научного рейтинга в России я отношусь как к неизбежности и внешним условиям жизни. Считаю, что в существующем виде она имеет много положительного, но не позволяет в полной мере зафиксировать личный вклад исследователя в философию и науку. Во-первых, по индексу Хирша нельзя су-

дить о содержательности публикации и высказанных в ней идеях; в отсутствии коммуникации (см. п.5), когда нет обсуждения публикаций, содержание часто не принимается во внимание. Во-вторых, очень часто значимые публикации не попадают в базы цитирования. Поэтому ориентация только на формальные показатели, по моему мнению, вредна, а в отношении философии — даже опасна.

Пример Хайдеггера не очень подходящий: индекс цитируемости у него, если бы он был сейчас жив, был бы таким, каким он сейчас есть, а во времена его жизни был бы не очень высоким из-за его низкой публикационной активности. У Эрнста Крика и Альфреда Боймлера индексы Хирша были значительно выше.

Измерим ли в принципе масштаб деятельности философа? Во всяком случае — не индексом Хирша и прочими наукометрическими показателями (см. п.1). Скорее — его поступками и коммуникациями в системе «учитель-ученик».

В.А. Конев: Самым цитируемым автором современности, кажется, является Делёз. Конечно, значимость идеи в том, в каких головах она начинает жить. Поэтому и цитируемость может это отметить. РИНЦ, платформа WoS и другие — это институциональные инструменты, которые должны помочь ученому ориентироваться в огромном потоке информации, а не должны служить основанием оценки деятельности ученого. Они созданы не для администраторов от науки, а для ученых.

А.А. Кузьмин: РИНЦ был задуман как способ «отделить овец от козлищ» и с этой задачей он справился. Решать какие-то содержательные вопросы он не может. Экспертиза может проводиться только лишь с учетом показателей РИНЦ. Что касается классиков философии, то для оценки их вклада в философию используется совершенно другой библиометрический показатель — библиография. Она составляется по годам, начиная с первых печатных работ автора и включает в себя все статьи, монографии, рецензии и т.д., посвященные анализу его творчества на основных европейских языках, а не ссылки на работы, как это делается в РИНЦ.

Так, моя статья, посвященная Хайдеггеру на английском языке, занимает какое-то 9021 место за 2006 год (см. прим. 3).

Составление таких библиографий является важным инструментом философского исследования. По крайней мере, профессионал должен понимать, что его вклад в изучение творчества Хайдеггера должен как-то соотноситься с этой библиографией, ознакомиться с которой полностью он не сможет в течении всей своей жизни.

А.Л. Никифоров: Навязываемые нам ныне научные рейтинги и индексы кажутся мне совершенно бессмысленными. Более того, они попросту вредны.

Во-первых, потому, что навязываются нам из-за рубежа и едва ли подходят для оценки работ отечественных философов.

Во-вторых, теперь философ думает не о том, чтобы изобрести и разработать какую-то оригинальную идею, а о том, как бы приспособить свой текст для публикации в каком-то престижном журнале. Мне кажется, насильственное внедрение всех этих рейтингов и индексов является одним из средств уничтожения отечественной философии.

А.М. Орехов: Индекс Хирша — это, конечно, «мышьяковая возня». Показывает он что-то реально? Кто его знает! Если к гениальности в философии приложен еще и высокий индекс Хирша, то помехой не будет. Но заикливаться на нем — большая глупость.

Э.А. Орлова: Рейтинг научных результатов и научной работы по количественному показателю цитирования — это полная бессмыслица. Обычно много цитируются

те работы, которые всем понятны, привычны, не несут в себе никакой новизны, составляют мейнстрим в смысле как привычности, так и конъюнктурности. Работы, отличающиеся поисковым характером и новизной, как правило, не принимаются ни ближайшим окружением такого рода авторов, ни тем более профессиональной общественностью. Поэтому те, кого цитируют много, не вносят вклада в развитие науки, а те, кого цитируют мало, при жизни остаются на периферии институциональной науки. Будут они признаны позже или нет, — это как повезет. Вопрос об оценке научной работы до сих пор не решен.

К.С. Пугров: К нынешней системе научного рейтинга в России я отношусь резко отрицательно. Это — способ осуществлять в философии беспардонное господство властной элиты, причем господство, замаскированное под якобы «научные», «объективные» показатели. Причём это не особенность только нашей страны, но и всего нынешнего этапа новоевропейской цивилизации. Кто бы мог ещё 30 лет назад подумать, что науковедение, первоначально руководствовавшееся чистыми исследовательскими целями, может быть *таким образом* поставлено на службу тотального отчуждения?

М.А. Пронин: К системе научного рейтинга отношусь с придыханием. Чту наравне с отцом и матерью. Горжусь, что меня посчитали — я существую! Верю в её производительную силу больше, чем её авторы.

Современные управленцы и экономисты не могут посчитать вклад в Валовый внутренний продукт таких отраслей, как медицина, образование, наука, оборона, некоммерческий сектор и пр. Они «вклад» считают по затратам, а не по производству. Говорим одно, а считаем другое.

В.И. Разумов: К самой по себе наукометрии я отношусь положительно. Но что из этого творят наши чиновники? Посмотрите для интереса рейтинг ученых и преподавателей по г. Омску. Полагаю, сходная ситуация обнаруживается и в других регионах. Меня восхищает ТРЕБОВАНИЕ публиковать статьи в журналах, включенных в базы Scopus, WoS. Это так действует в современной российской науке установка на импортозамещение? Когда я только начинал научно-преподавательскую деятельность, то коллеги спрашивали друг у друга о том, кто какие результаты получил, а теперь ведущими вопросами становятся: ты где опубликовался, а какой там импакт-фактор, каков твой Хирш. И за такую игру в «бирюльки» (я смотрю на ситуацию со стороны внешнего наблюдателя) ученые и преподаватели надеются на выделение им ресурсов?

Ю.М. Резник: Никто не спорит с тем, что национальные системы научного рейтинга нам нужны, если мы хотим развиваться в лоне мировой науки и быть соизмеримыми с авторитетными зарубежными системами оценки научных результатов. Другое дело, что не нужно превращать показатели публикационной активности и индексы цитируемости в обязательные формы отчетности. В этом я полностью с коллегами согласен.

Какие-то критерии оценки нам нужны, и они не могут быть совершенными. И я не считаю, в отличие от некоторых экспертов, формальные показатели научной (в т.ч. публикационной) результативности полной глупостью. Они вполне могут служить дополнительным фактором оценки труда исследователя. А пока разговор философа о вечности с «провиденциальным собеседником», который ещё не родился, придётся отложить на потом. И здесь я не могу согласиться с С.А. Смирновым. Ник-

то не позволит научному сотруднику или преподавателю философии заниматься свободным творчеством и получать за это зарплату.

Разумеется, многое зависит от тех, кто формирует государственный заказ на научные и образовательные услуги, а также от их способности устанавливать адекватные критерии оценки результатов научных исследований и образовательной деятельности. Так, например, Институт философии РАН занимает сегодня первое место по индексу Хирша среди родственных академических учреждений. Но так будет не всегда. Рано или поздно философия проиграет сражение с естественными науками за количественные показатели. Поэтому её постепенно вытеснят из виртуального пространства. И даже тогда она продолжит учить слушателей думать и помогать им формулировать вопросы о сущем.

В.М. Розин: Думаю, на *творчество* философа показатели типа РИНЦ никак не влияют, хотя на зарплате они как-то сказываются. Индекс Хирша у Хайдеггера был бы занебесный, но это никак бы не влияло на взгляды представителей других философских направлений. Если под измерением понимать *осмысление деятельности и творчества философа*, то оно не бессмысленно.

О.А. Скоркин: Для борьбы с плагиатом эти средства хороши, хотя к ним нужно ещё приспособиться. А вот значимость написанного оценке не подлежит, и здесь никакая наукометрия не поможет. Иногда десятилетия не хватит, чтобы оценить значимость тот или иной идеи.

И.П. Смирнов: Философский гений, как и всякий прочий, определяется тем, что он дает новое начало своему дискурсу, закладывает основу парадигмы, которой пока не бывало. Никакие рейтинги не способны отразить такие решительные повороты в развитии дискурсивных практик. Попросту говоря, качество, чем оно выше, тем неизмеримее.

С.А. Смирнов: Наукометрия давно стала одним из научных направлений. И это нормально. Но для того, чтобы понимать и управлять процессами, происходящими в науке и научных сообществах. А не для того, чтобы увязывать статус и зарплату философа с его публикационной активностью. Одно дело — составление рейтингов и построение системы мониторинга с целью исследования научных сетей, процессов и сообществ и совсем другое дело — превращение показателей публикационной активности и индексов цитируемости в обязательные формы отчетности.

Разумеется, никакие индексы не заменят вклад исследователя в философскую мысль. Кстати, индекс Хайдеггера сейчас был бы весьма высок, поскольку как раз публикаций и конференций, связанных с его философским наследием, целый океан. Но все же надо разводить разные задачи. Если исследователь занимается наукометрией, то ему было бы важно строить адекватную систему мониторинга. Если же мы хотим понять место и роль философа в современном научном сообществе, то существующие рейтинги не могут это определить. Поскольку философ, как и любой автор, — внеаходим. И его место в бытии определяется не рейтингом, а отзывом, но уже от «провиденциального собеседника», который еще, наверное, и не родился.

Г.Л. Тульчинский: Отношусь резко отрицательно. Наукометрия важна для библиографов, но не для оценки работы ученых. А так наука сводится к реквизитам публикаций, контент которых никого не интересует. Ни у Хайдеггера, ни у Канта, ни у Шкловского никаких позиций в рейтинге бы не было, потому что они практически не публиковались в журналах с высоким импакт-фактором. А монографии, как ска-

зал один руководитель серьезного университета, может каждый дурак написать.

И в этом плане философы оказываются в том же положении, что и другие гуманитарии, социологи, которых заставляют публиковаться в сомнительных изданиях за деньги, где эти публикации покоятся как в братских могилах. А такая наука никому не нужна, она дискредитируется на корню. Или уходит в другие формы бытования, к рейтингованию не имеющим никакого отношения. В философии все это напоминает ситуацию, описанную мною в ответе на п.2.

В.Н. Щербина: Масштаб деятельности философа может увидеть лишь он сам, и он не выражается в количественных показателях, хотя и обладает ими. В конечном итоге, и полотно художника имеет физические размеры. Системы измерения можно и нужно критиковать, но с ними неизбежно приходится как-то взаимодействовать и считаться. К тому же подталкивание к публичной и академической активности может быть продуктивным инструментом организации самого философского сообщества. Даже такой опрос, который проводит редакция нашего журнала, уже создает некоторое представление о состоянии активности человека, склонного называть себя философом.

Пожелания по процедуре проведения экспертного опроса:

О.А. Скоркин: Хорошо бы в дальнейшем опросе указать следующее: насколько критична позиция гуманитарных дисциплин и их смыслообразующих компонентов в университетах; в какой мере отличное мировоззрение формируется в вузах технической и гуманитарной направленности; и ежели столь по-разному понимается предмет «философия», в т.ч. в составе кандидатского минимума по философии, то нужна ли вообще эта грамота. Тем самым, необходимо уточнить цель опроса.

Комментарии от редакции журнала (Ю.М. Резник)

Обобщать суждения коллег по философскому цеху никто не сможет, да и не должен, а вот выделить в их ответах на вопросы некоторые сходства или различия во взглядах вполне допустимо. Именно этой задаче служат комментарии от редакции журнала.

1. По первому вопросу в качестве *ведущей десятки* большинство экспертов называет философов советской эпохи – М.М. Бахтина (10), Э.В. Ильенкова (9), М.К. Мардашвили (6), Г.П. Щедровицкого (6), Ф.А. Лосева (5), В.С. Библера (4), А.А. Зиновьева (3), В.В. Библихина (2), Ю.М. Лотмана (2), М.К. Петрова (2). Как видно, М.М. Бахтин оказался на первом месте по результатам опроса, хотя его позицию как структуралиста сравнительно недавно открыли для себя западные исследователи. В принципе, эти данные отражают реальное влияние указанных мыслителей на отечественную философскую мысль второй половины XXвека.

2. По поводу *парадигмального статуса* философии мнения экспертов разделись. Кто-то из них считает, что никакого общего подхода (парадигмы) в философии быть не может, иначе исчезнет свойственное ей разномыслие и способность удивляться миру, свойственная только данному философу (С.С. Аванесов). Эту же мысль поддерживает А.М. Бекарев, подчеркивая личный характер философствования. Вместе с тем отрицание всеобщего как предметной области философии, которой не хватает субъективности и дерзости (Ф.М. Пиренок), не отменяет сам факт философствования.

Большинство экспертов считает, что парадигмальный подход характерен больше для науки, чем для философии, которая может уделять внимание деконструкции частности (П.С. Гуревич). Парадигмы и программы не совсем точно отражают специфику философского знания (И.И. Докучаев). «Поэтому проецирование на философию научной методологии всегда приводит к искажению смысла» (А.А. Кузьмин). В философии же «никогда не было *парадигмы*» как единой теоретической платформы (А.Л. Никифоров). Более правомерно говорить о стилях мышления, подходах и тематических пространствах в философии (И.Т. Касавин). Или о сценариях развития философии (В.Н. Щербина). В качестве основных тематизаций русской философии Г.Л. Тульчинский называет историю, отношения личности и общества, свободу и судьбу России.

Однако часть экспертов всё же полагает, что парадигмы могут служить основаниями построения исследовательских программ (С.В. Комаров, С.А. Смирнов и др.). Они рассматривают парадигмы как способы постановки и решения проблем или типы мышления. Их применение оправдано, по мнению В.А. Конева, в масштабах всей истории философии (античная онтологическая парадигма, нововременная гносеологическая парадигма и пр.). Российская философия распадается на ряд парадигм в зависимости от наследованных традиций (И.П. Смирнов).

Вместе с тем, В.И. Разумов констатирует, что ныне отечественная философия завершает переход от тотальной марксистской парадигмы к разнообразным исследовательским программам. К.С. Пигров не видит принципиальной разницы между парадигмой и программой. Как и И.Т. Касавин, он считает, что философии больше подходит структурирование в зависимости от направлений и стиля мышления. В рамках той или иной программы или за её пределами существует множество авторских проектов (Ю.М. Резник).

Правда, мне не совсем понятен прагматический настрой А.М. Орехова, который считает вопрос о парадигмах и программах непонятным или надуманным, провозглашая главным критерием оценки работы в философии — ориентацию на результат. Но ведь в философии важен и сам процесс — философствование, который может выступать не только в форме текста, но и в дискуссии, саморефлексии и пр. И здесь каждая мысль, любой оттенок смысла важны. Мы слишком увлекаемся производством текстов, забывая иногда о главном — смыслотворчестве. Философ конституирует реальность посредством «нормирования новых способов получения знания о мире», отвечая на вызовы времени (В.М. Розин).

3. В оценке *институционального статуса* современной отечественной философии мнения экспертов также разделились. Одни из них полагают, что это — государственный институт вполне определенного типа, который никак не может избавиться от советского бремени и всё еще не стал институтом культуры (С.С. Аванесов). Существование такой философии зависит от идеологического бытия государства (А.М. Бекарев). Но институционализация философии неизбежна, главное — не увлекаться её постоянной реорганизацией (П.С. Гуревич). Роль институций и коммуникационных сетей в философии нельзя недооценивать. Без институциональных форм она вымирает. Об этом справедливо говорят С.В. Комаров, С.А. Смирнов и К.С. Пигров. Правда, последний представляет социальный институт философии исключительно как общество высокой интеллектуальной дружбы, в т.ч. «общество взаимного восхищения». Скорее, это относится к неформальному сообществу философов, а еще конкретнее — к сообществу друзей и приятелей самого Константина Семеновича.

Вторая же группа экспертов, напротив, считает, что подлинная философия не является институтом и представляет собой путешествие в воображаемый мир, тогда как школьная философия институциональна; «в институтах не мыслят, в них учат языку» (Ф.И. Гиренок).

Философия для некоторых экспертов — это не институт, а традиция. Честно говоря, я не понимаю, как можно разделять институт и культурную традицию, на чём настаивает И.И. Докучаев. И как можно вообще обойтись без норм взаимодействия в научных коллективах и критериев эффективности исследовательской деятельности. К тому же государство финансирует институт, а не традицию, требуя от нас конкретных и прозрачных результатов работы.

В то же время я не могу принять настрой А.А. Кузьмина в том, что институциональные признаки нашей философии больше напоминают призраки. «Искать опору в себе без образов и подобий», конечно, надо, но без особого трагизма, понимая, что переходный период в развитии постсоветской философии и науки мы ещё не прошли до конца. Стоит ли вдаваться в мистику и утверждать, что отечественная философия «перестала отбрасывать от себя тень». Не так-то просто избавиться от стереотипов прежней эпохи и в тот же самый момент преодолеть реформаторский энтузиазм наших научных функционеров.

Хочу поддержать в этом вопросе позицию А.Л. Никифорова. У философии должен быть свой дом, где проводятся встречи, дискуссии, презентации и демонстрируются результаты исследований. И таким домом для нас является Институт философии, а для наших коллег — факультеты и кафедры философии университетов. Наш институт (ИФ РАН) — уникальное образование, аналогов которому нет в мире. Сохранить его как исследовательскую мастерскую и кузницу философских кадров высшей квалификации — дело чести каждого научного сотрудника. Нельзя переваливать всю ответственность за уровень и качество философских исследований на плечи руководства. Мы в ответе за то, чем занимаемся в профессии и в жизни.

Насчет философов-одиночек можно рассуждать бесконечно, но реальность такова, что каждому из нас, кто профессионально занимается философией, приходится вписываться в существующие институты науки. Ведь философы вынуждены где-то работать, защищать диссертации и писать труды, обмениваться с коллегами результатами работы. Но рассматривать философские институты преимущественно как «коллективные машины мышления» (С.В. Комаров) я бы не стал. Так можно пойти и до тоталитарной секты. Всё-таки исследовательский поиск — индивидуальная прерогатива каждого философа. Плюс межличностные коммуникации. А далее следуют результаты исследовательской деятельности — издания, конференции, проекты и пр., которые поддаются формализации. Вот здесь я с профессором Комаровым согласен.

Я также не считаю, в отличие от А.М. Орехова, что вопрос об институциональном статусе философии является непонятным и сводится исключительно к финансовой поддержке философов. Скорее, я поддерживаю мнение В.И. Разумова о том, что российской философии, как и науке, не хватает институционального обеспечения независимой экспертизы. Всё, начиная с планов и заканчивая отчетами о научной деятельности, слишком заформализовано. А это, в свою очередь, вносит нездоровое напряжение в работу коллектива, отвлекая его от решения первостепенных задач и лишая исследователей «высшей радости открытия» истины.

Наконец, третья группа экспертов рассматривает философию одновременно как институт (организация профессионалов) и личное дело мыслителя. И.Т. Касавин связывает это с делением философов на профессионалов с их кафедрами, коммуникациями и пр., с одной стороны, и любителей, предохраняющих философию от стагнации и предлагающих альтернативные сценарии развития.

В свою очередь, В.М. Розин рассматривает институт в трёх отношениях: как становящееся, ставшее или системное образование. Отечественная философия институционализирована, поскольку она вписана в культуру и подвержена бюрократическому влиянию, а также воздействию других институтов. Но для него философия есть, вместе с тем, дело свободной личности. На это указывает и профессор В.А. Конев: философия есть двоякая интеллектуальная деятельность: экзистенциальное занятие философа и социальный институт, определяющий его принадлежность к научно-образовательным учреждениям.

По мнению И.П. Смирнова, философия становится институтом, когда её учреждения автономны (академии, университеты) и не зависят напрямую от государства. Как только она превращается в идеологизированный коллектив, то сразу же теряет свой статус социального института. С другой стороны, В.Н. Щербина считает, что «институтом философия становится в качестве “внутренней формы” машины культурной гегемонии и зависит от состояния этой машины...». Вместе с тем это — «живое осмысление культурно-исторических процессов».

Таким образом, мнения экспертов по вопросу об институциональной роли философии определяются их идейной и гражданской позицией. Быть или не быть философией институтом — зависит от множества объективных и субъективных факторов.

4. Данная группа вопросов подразделяется на две части: о философском сообществе и его делении на «центр» и «периферию».

Философское сообщество в России есть. Так рассуждают «оптимисты». Например, И.Т. Касавин к числу признаков полноценного сообщества относит разветвлённую сеть институций, наличие международных связей и выраженную структуру лидерства. Существует не только единое сообщество (РФО), но и частные сообщества, например, Онтологическое общество (В.А. Конев). К числу «оптимистов» следует отнести К.С. Пигрова, который считает, что отечественные идеи должны культивироваться и нашим философам пора преодолеть комплекс неполноценности перед западными мыслителями. Гораздо важнее научиться говорить на своём языке и развивать собственные идеи, не впадая в зависимость от западной философии. Подобной точки зрения придерживается В.И. Разумов, настаивающий на том, что нужно преодолеть установку «быть не хуже, чем на Западе» и избавиться от комплекса «туземной науки». В поддержку общества философов в России выступает и С.А. Смирнов, но с оговоркой.

Точка зрения «пессимистов» прямо противоположна. Они отрицают существование философского сообщества в России. Их место занимают «бюрократические объединения так называемых философов» (Э.А. Орлова). Эту позицию разделяет в целом А.М. Бекарев, хотя, с его точки зрения, в России имеются отдельные группы («мыслильни»), но полноценные сообщества всё же отсутствуют. К нему присоединяется Ф.И. Пиренок, который отрицает наличие не только философского сообщества в стране, но и общества вообще. Как считает С.В. Комаров, этому мешает интеллектуальный провинциализм и практическое отсутствие серьезных идей и коммуникаций.

С мнением о том, что «центр» философии располагается в столичных городах, согласны практически все эксперты, хотя их интерпретации различаются. Одни считают, что за этим стоят объективные предпосылки (недостаточное финансирование регионов, низкая активность их философской жизни, слабая мобильность, недостаточная интенсивность контактов, малое число философских учреждений и факультетов и пр.). Так, например, попасть в региональные университеты зарубежным коллегам гораздо труднее (Г.Л. Тульчинский). Другие же, напротив, убеждены, что существенную роль играет субъективный фактор: в центре «всё делается гораздо добротнее».

«Периферийная» философия, по мнению С.В. Комарова, действительно, существует. И причину он видит в нищенском существовании философов и невозможности вести нормальную исследовательскую деятельность. А В.А. Конин добавляет к этому еще и большие расстояния, которые затрудняют живое общение между коллегами. И всё же вопреки всему в областных центрах могут складываться философские центры. Так считает А.Л. Никифоров. Думаю, что это зависит от фигуры лидера центра.

Некоторые эксперты настаивают на том, что в современной России нет деления на «центр» и «периферию», поскольку отечественная философия глубоко периферийна по отношению к западной (Ф.И. Гиренок), либо такое деление условно и центры есть везде (П.С. Гуревич, И.И. Докучаев), либо оно несущественно, как и на Западе (И.П. Смирнов). Центры философии находятся там, где имеются философы и порой между ними разгораются нешуточные войны за влияние в сообществе (А.А. Кузьмин). Но иногда самое интересное, с точки зрения С.А. Смирнова, рождается не в центре (на кафедрах и в институтах), а на периферии (на квартирах и в домашней обстановке).

Имеются и промежуточные точки зрения. Например, С.С. Аванесов, признавая существование философского сообщества в нашей стране, выделяет в нем два отряда – официальный и неофициальный (неформальный), а также соответствующие им структуры лидерства. А.Л. Никифоров полагает, что такое сообщество является довольно рыхлым образованием, у которого практически отсутствуют внутренние связи. Поэтому нельзя говорить о каком-то единстве внутри философского сообщества. К тому же сообщество разделяют разные философские направления, в рамках которых складываются свои исследовательские коллективы. Философское сообщество в каком-то смысле есть, а в каком-то смысле его нет. Оно есть как орган культуры, но у нас нет идеала или нормы этого института. Так полагает В.М. Розин.

Таким образом, большинство экспертов объясняет наличие деления на «центр» и «периферию» исключительно институциональной слабостью отечественной философии. Нетривиальные авторы есть везде, а вот в столицах сконцентрирована основная масса философов, как бы мы не относились к их теоретическому уровню. Кстати, это подтверждается данными РИНЦ: подавляющая часть наиболее цитируемых авторов (более 300) проживает в Москве; дальше можно выделить несколько зон активности в других мегаполисах страны.

5. Ответ на этот вопрос уже прозвучал частично в пункте 1. Эксперты называют школы М.М. Бахтина, Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили и Г.П. Щедровицкого и др. Именно они соответствуют требованиям к институционализации (И.Т. Касавин). Но это – философы советского времени. Поэтому кто-то из экспертов считает, что сегодня таких школ нет и формально философской школой можно назвать любое объединение философов, имеющих ученые степени. Неформально же мы все находимся в

школе тех или иных великих философов (С.С. Аванесов). Пока же мы не научимся говорить от своего имени, а не на языке Другого (Канта, Маркса и пр.), школы не будет (Ф.И. Гиренко). Поэтому плох тот ученик, который не пытается опровергнуть своего учителя и создать оригинальную концепцию (И.И. Докучаев, И.Т. Касавин).

Одним словом, философских школ наподобие кружка М.М. Бахтина или Г.П. Щедровицкого в сегодняшней России нет, хотя имеются центры философской мысли, например, Институт философии РАН, где существуют свои лидеры, их ученики и последователи (П.С. Гуревич). К такой позиции присоединяется В.А. Конев, который называет несколько центров, связанных с конкретными организациями или изданиями, — группа кантоведов в Калининграде, группа сторонников концепции философии науки В.С. Степина и др.

Некоторые из экспертов полагают, что существуют также региональные философские школы — Уральская, Новосибирская и пр. (А.М. Бекарев, В.И. Разумов). Часть из них возрождается вновь. А.А. Кузьмин называет имена тех российских философов, вокруг которых могут существовать свои школы с учениками и последователями (Целищев в Новосибирске, Молчанов в РГГУ, Гиренко на философском факультете МГУ, Микешина в МПГУ и т.д.). С его точки зрения, имеются также школы по направлениям (феноменология во Владимире, аналитическая философия в Томске и пр.). Но я бы лично не стал называть их школами. В большинстве из них отсутствуют институциональные признаки научной школы, о чем говорит И.Т. Касавин. Скорее речь идёт об исследовательских группах, возглавляемых ведущими философами России. К их числу я бы отнёс и группу самого И.Т. Касавина, которая на протяжении многих лет успешно работает в Институте философии РАН в рамках сектора социальной эпистемологии. Возможно, в будущем на базе этих групп образуются философские школы, но уже совершенно иного типа, чем классические модели, построенные по схеме «учитель — ученик». Но это моя точка зрения.

В то же время, я не могу согласиться с мнением Э.А. Орловой, что в современной отечественной философии нет признанных интеллектуальных лидеров, способных создать собственные философские направления. Как считает К.С. Пигров, без лидеров школа или центр невозможна. И такие лидеры, по его мнению, есть в каждом крупном регионе, в т.ч. в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Перми и пр. С этим солидарен Г.Л. Тульчинский, подчеркивая значимость исследований, проводимых в ряде регионов. И такая позиция близка и мне.

Отдельные эксперты считают, что сегодня острой надобности в философских школах и конкуренции между ними не существует, поскольку их границы размыты. Поэтому лучше говорить о центрах философии, которые построены не на парадигмальном, а институциональном единстве (С.В. Комаров). Философы обязаны провозгласить мысль и опровергать устоявшиеся идеи (И.И. Докучаев).

Однако как бы мы не называли эти группы — школами или центрами — принципиально следующее: в современной отечественной философии существуют исследовательские группы, которые возглавляют яркие и талантливые лидеры. Конечно, их число невелико, но ведь и условия, в которых работают нынешние поколения философов, далеки от идеала.

Итак, можно констатировать, что большинство экспертов признаёт существование философских школ или центров в современной России, хотя они едины лишь в оценке лидеров философии советского периода (Бахтина, Ильенкова и др.). Что же

касается современного этапа развития российской философии, то здесь можно говорить о наличии признанных центров философских исследований, связанных с известными именами или учреждениями.

6. В оценке деятельности РФО как институционального ядра всего философского сообщества страны мнения экспертов разошлись. Первая группа экспертов («оптимисты») положительно относится к РФО и считает его деятельность в целом полезной для сообщества, сплачивающей сообщество (П.С. Гуревич, И.И. Докучаев, И.Т. Касавин, В.А. Конев, А.А. Кузьмин, К.С. Пигров, В.И. Разумов, Ю.М. Резник и др.). Они ценят его за то, что им делается. Это – прекрасная идея, но не нужно её выхолащивать и превращать в придаток философского истеблишмента (К.С. Пигров). Конечно, ему (РФО) не хватает энтузиастов (П.С. Гуревич). И не нужно также превращать РФО в «философский профсоюз» (А.А. Кузьмин).

Конечно, одного Вестника РФО и Всероссийского конгресса мало для того, чтобы стать событиями национального масштаба (И.И. Докучаев). РФО нуждается в реформировании и совершенствовании организационных форм (И.Т. Касавин, В.А. Конев). Предлагается улучшить отбор пленарных докладов и докладчиков. Более радикально настроенные сторонники РФО предлагают рассматривать его как альтернативу официальной философии, которая откроет дорогу движению самодельных философов (К.С. Пигров).

Вторая группа экспертов («пессимисты») критически отнеслась к работе РФО, считая его формальным институтом или чисто бюрократическим образованием. Одни видят опасность в цензуровании мысли и формальной регламентации жизни общества (С.С. Аванесов). Другие же считают, что РФО никакого влияния на философскую жизнь страны не оказывает и выступает ничем иным, как поверхностной «философской тусовкой» (В.М. Розин). Конгрессы, организуемые РФО, свидетельствуют о потере значимости философии в формировании общественного сознания и вытеснении её на периферию (Ф.И. Гиренко). На них очень редко можно услышать интересные доклады (С.В. Комаров). Повестку же дня на них определяют философские функционеры, которые больше смотрят на статус докладчика, а не на содержание его доклада. Что же касается Вестника РФО, то его рейтинг никак не соответствует статусу общенациональной организации (С.А. Смирнов).

Имеются также эксперты, которые вообще не ассоциируют себя с деятельностью РФО (А.Л. Никифоров, Э.А. Орлова, В.Н. Щербина), поскольку никак не связаны с ним.

Следовательно, институциональная роль РФО в организации философского сообщества оценивается большинством экспертов положительно, хотя некоторые из них отмечают формальный характер принятия решений, в т.ч. по повестке дня Российского философского конгресса. Но это не умаляет значимости работы непосредственных организаторов общества, в т.ч. их усилий по изданию Вестника РФО. Именно на них держится повседневная жизнь РФО и ежедневные контакты с регионами.

Чтобы снять некоторые формальные ограничения в деятельности его руководящих органов, необходимо, на мой взгляд, делегировать часть их полномочий наиболее авторитетным исследователям и создать с их участием Экспертный совет РФО, которому следует поручить проведение оценки научной активности региональных центров философии и отбор докладчиков на очередной Конгресс. Одной из текущих задач Совета я считаю регулярное составление комплексного научного рейтинга российских философов.

7. О преподавании философии в современной России высказались все эксперты. Здесь также, как и в ответах на предыдущие вопросы, наблюдаются различия между взглядами «оптимистов» и «пессимистов». Первые настаивают на сохранении философии как обязательной дисциплины в вузах, вторые предлагают рассматривать её как дисциплину по выбору, которую должны читать исключительно профессиональные философы. Между ними особую позицию занимают «нейтральные» эксперты, которые предлагают оставить философии статус обязательной дисциплины, но качественно изменить содержание и формы её преподавания.

Позиция «оптимистов» включает в себя несколько критериев, определяющих необходимость её обязательного преподавания в вузе. Она нужна:

- как важнейшая функция культуры (И.И. Докучаев, В.А. Конев);
- для развития целостного и «критического» мышления (А.М. Бекарев, С.В. Комаров);
- для сохранения и трансляции мирового философского наследия (Э.А. Орлова);
- для того, чтобы «научить людей строить вокруг себя ментальный барьер от вербального мусора» (Ф.И. Гиренок);
- потому что «без философии нет и не может быть образования» или последнее будет крайне ущербным (П.С. Гуревич, С.В. Комаров);
- так как она «играет существенную роль в становлении личности как ответственного и рационального социального субъекта» (И.И. Докучаев);
- для организации междисциплинарного взаимодействия и реализации роли медиатора в университетском образовании и других «зонах обмена» (И.Т. Касавин);
- «для воспитания гражданственности» и личностной самореализации будущего специалиста, в т.ч. для ответа на вопросы: кто он и зачем живет? (А.Л. Никифоров, Ю.М. Резник);
- для выработки рационально обоснованной национальной идеологии, выражающей интересы гражданского общества (Ю.М. Резник);
- поскольку «философское мышление – единственный способ увидеть мир как целое, в т.ч. увидеть единство сюжетов различных политических сценариев, т.е. то, что происходит в действительности, а не только в наших представлениях о ней» (В.Н. Щербина).

Приведу мнение одного из сторонников преподавания философии: философия в её прежнем историческом изводе недавно закончилась, а философы еще остались: «рок-н-рол-мёртв, а я еще жив» (В.Н. Щербина). Философия нужна обществу в новом качестве, в т.ч. «для освоения логики процессов современного сверхсложного мира». Преподавание философии – это шанс для студента стать субъектом, распорядителем своей жизни и жизни своего общества. Это – одна из опор, фундаментальная основа обеспечения устойчивости и развития общества. Именно в таком виде у философии есть будущее в образовательном пространстве.

«Пессимисты» же убеждены, что философию нужно преподавать факультативно или в виде истории философии (И.П. Смирнов, С.А. Смирнов, Г.Л. Тульчинский, В.Н. Щербина и др.). Не могу согласиться с тем, что философия как обязательный учебный предмет вузе – наследие («атавизм») советской эпохи и что пришло время существенно сокращать объем часов. Философию преподавали всегда, начиная с античности, и поэтому, чтобы сохранить эту преемственность, надо по-прежнему сдавать экзамены по философии Платона и Ницше. Иначе ничего не останется в головах студентов, тем более у них не будет никакого критического и свободного

мышления, если их лишить знакомства с классическим наследием. Не нужно искусственно сокращать часы и так налицо тенденция сворачивания пространства философии в учебном процессе. Так что боюсь, что очень скоро нам придётся преподавать её уже не на площадях, как предлагает А.А. Кузьмин, а в местах не столь отдаленных. Конечно же, я имею в виду дачи и другие места уединения.

Заменить обязательное преподавание философии на факультативное не получится без потери её институционального статуса. И никакой отбор преподавателей («кто заденет студентов, тот и останется»), и авторские семинары (творческие мастерские), что предлагает сделать С.А. Смирнов, здесь не помогут. Подозреваю, что сторонники такой точки зрения чаще всего говорят о себе, а точнее – о собственном идеале преподавания. Им очень нравится образ «вольной» философии, который можно демонстрировать в исследовательских мастерских вместе с оригинальным способом философствования. Поэтому предлагается вслед за чиновниками разогнать армию преподавателей философии, заменив их избранными мастерами, в качестве которых они видят, прежде всего, самих себя. Вопрос лишь в том, где нам взять столько мастеров. Других же «писателей у нас нет».

Так что, с моей точки зрения, не получится решить эту проблему волюнтаристским наскоком, как это пытаются делать последнюю четверть века околонучная бюрократия. И дело не только в том, что придется поменять ФГОС и всю систему высшего образования в целом. Преподавание философии в большинстве вузов давно превратилось в ремесло. Нынешней власти не нужны «вольные» и самоопределяющиеся философы. А вот идеологи и «инженеры человеческих душ» нужны, чтобы хоть как-то оправдать существование действующего режима и сделать его по возможности привлекательным в глазах электората. Поэтому нашим незатейливым реформаторам образования остаётся одно: поскольку нельзя изменить систему самой власти, то можно поменять к ней отношение у большинства населения. А для этой цели все средства хороши, в т.ч. и философия. Кто же допустит, чтобы мы готовили «свободных художников», которые не смогут продолжить свою карьеру в вузах и заняться преподавательским ремеслом?

Боюсь, что после того, как философия будет изъята из учебного процесса вузов и останется лишь на философских факультетах, она потеряет свои институциональные позиции в обществе. К тому же начинать преподавать философию в средней школе без последующего продолжения и закрепления в вузах бесполезно. Студенты растеряют последние ростки философской мысли и в поисках ответа на смысложизненные вопросы будут обращаться к религии, эзотерике, мистике и пр. Возможно, имеет смысл сохранить преподавание философии в техникумах и колледжах. Но без образовательной перспективы философии в вузах не обойтись.

Точку зрения «нейтральных» экспертов наиболее полно представляет С.С. Аванесов, полагая, что «философия оставлена в поле образования из милосердия к армии “профессиональных философов”, от подавляющего большинства из которых нет никакой пользы обществу». Тем не менее, он предлагает поставить философию в центр образования, а роль философа-преподавателя определить в терминах «куратор», «консультант» и «настройщик», который должен заниматься личностью обучающегося и формированием его мировоззрения.

Весьма своеобразную позицию в этом вопросе занимает К.С. Пигров. Он предлагает сохранить философию, но в совершенно другой форме, как курс философски

ориентированной художественной литературы. Не понимаю, зачем резать сук под собой. Не проще ли использовать художественные произведения для иллюстрации философских идей. Если это «философский патриотизм», то лично я не хочу быть таким патриотом. И очень хорошо, что мы ещё не созрели до таких «инновационных стратегий», иначе похороны философии были бы преждевременными. Философия нужна для ориентации слушателей в мировом «ментальном пространстве» и выработки на этой основе их собственной позиции (В.М. Розин). Её следует преподавать выборочно и в зависимости от специальности будущих выпускников.

Увы, как «оптимисты», так и «пессимисты», убеждены, что философы должны отстаивать своё право на философствование. И если им откажут в преподавании, они могут этим заниматься на площадях (А.А. Кузьмин). А вот рассматривать власть как последнюю инстанцию, определяющую судьбу философии в стране, вряд ли стоит. Поэтому здесь я не могу согласиться с А.М. Ореховым в том, что «начальству виднее». Виднее как раз профессионалам и нельзя уповать на милость руководства. Нужна профессиональная экспертиза, а не очередная бюрократическая реформа.

В целом проблема статуса преподавания философии как обязательной или факультативной дисциплины не отменяет ещё одну проблему – поиск адекватной модели преподавания. На сегодняшний день сложились две основные модели преподавания в образовательных учреждениях: «философия как история философии», дающая представления о системе философских учений прошлого и современности, и «философия как базовая, мировоззренческая дисциплина», которая учит слушателей отвечать на «вечные» вопросы.

Выбор же той или иной модели зависит от того, в какой мере или насколько в практике преподавания соблюдаются требования госстандарта, примерная программа которого представляет собой «сборную солянку», включающую несколько разделов: введение (предмет и функции философии), история философии (от античности до наших дней), основные проблемы философии (онтология как учение о бытии, теория познания, философия духовной жизни, философская антропология и аксиология, социальная философия).

Что же касается форм преподавания, то сегодня рекомендована интерактивная форма, предполагающая диалог между преподавателями и слушателями, а также участие последних в разработке индивидуальных проектов. А это зависит уже от педагогического мастерства преподавателя философии и от уровня подготовки самих слушателей. Очевидно, что творческой работе последних должно предшествовать знакомство с философским наследием и изучение основных философских понятий, иначе их полноценное участие в дискуссиях будет крайне сомнительным. Ведь философия, как отмечали многие эксперты, – это, прежде всего, особый язык и соответствующее ему понятийное мышление. И этому нельзя научиться самостоятельно. Так что схема «учитель – ученик» не потеряла своего значения и в наши дни.

8. В ответе на последний вопрос эксперты оказались удивительно единодушными. Большинство из них весьма критически отнеслось к существующей системе научного рейтинга и возможностям её применения к философии. Эта система оценивается чаще всего в терминах «искусственный рейтинг», «формальные правила игры» и т.п. Но встречаются и мнения, высказанные в поддержку РИНЦ и других баз данных, которые должны помогать ученым, а не служить критерием оценки их деятельности со стороны администраторов (В.А. Князев). «Системы измерения можно и

нужно критиковать, но с ними неизбежно приходится как-то взаимодействовать и считаться» (В.Н. Щербина). Экспертиза должна проводиться с учетом данных РИНЦ (А.А. Кузьмин).

Одни эксперты видят в РИНЦ и других системах рейтинга прямую угрозу для существования философии (А.Л. Никифоров), другие рассматривают их либо как «мышиную возню» (А.М. Орехов), либо как «игру в бирюльки» и прямое издевательство над идеей импортозамещения (В.И. Разумов), либо как полную бессмыслицу, которая лишь подчеркивает отсутствие значимости большинства цитируемых работ (Э.А. Орлова). Никакие рейтинги не способны отразить решительные повороты в развитии дискурсивных практик (И.П. Смирнов). Имеются и более радикальные суждения о рейтинге: «это – способ осуществлять в философии беспардонное господство властной элиты, причем господство, замаскированное под якобы “научные”, “объективные” показатели» (К.С. Пигров).

Однако альтернативы существующему рейтингу (например, базе данных РИНЦ) пока нет. Ведь нынешние научные и философские сообщества не готовы взять на себя создание и обновление рейтинговых систем.

Но не все так плохо, как кажется. Согласен с И.Т. Касавиным в том, что РИНЦ активно совершенствуется, а «двухлетний индекс Хирша без самоцитирования по ядру РИНЦ» действительно отражает реальное место ученого, журнала и организации в науке, измеряет их вклад в общее дело «по гамбургскому счету». Естественно, общая оценка не может этим исчерпываться, она включает, среди прочего, важную экспертную составляющую». Поэтому надо стремиться к тому, чтобы значимые публикации и их авторы попадали в базы цитирования, в т.ч. РИНЦ. И здесь одному исследователю не справиться с такой задачей. Нужно построить адекватную систему мониторинга научных достижений (С.А. Смирнов).

Как бы мы не относились к рейтингу, философия, как часть государственного института науки и образования, не может находиться вне системы формальных показателей, которые влияют на отчетность научных и образовательных учреждений. Дело не только в том, что рейтинг не отражает реального положений вещей в философском сообществе и зачастую свидетельствует о публикационной активности автора, а не о его влиянии на философскую мысль. Нашей бюрократии нужны сопоставимые данные для оценки результатов исследований, как индивидуальных, так и коллективных. Оценить же личный вклад философа в развитие культуры, о чём говорит С.С. Аванесов, практически невозможно. Точно также отношения в системе «учитель – ученик» не поддаются формализации, на что справедливо обращает внимание С.В. Комаров.

Я вижу опасность навязывания формальных показателей оценки научной результативности философа в другом обстоятельстве. Реализуя курс на коммерциализацию высшего образования и приведение его в соответствие с воображаемыми западными стандартами, топ-менеджеры науки и высшей школы порождают невероятное число формальных требований к оценке результатов деятельности исследователей и преподавателей. Последствия не заставили себя долго ждать. Прорехами в системе не преминули воспользоваться великие комбинаторы наших дней.

Я слышал о чудесах и играх с показателями РИНЦ, но обратившись на сайт Научной электронной библиотеки (см.: <https://elibrary.ru/>), теперь увидел их воочию. Так, например, по индексу Хирша группа коллег из Ставрополя вошла в первую сотню (и даже в полусотню) ведущих философов России. Некоторые из них приближаются

к показателям наших известных философов (В.С. Степин, В.А. Лекторский, П.П. Гайдено, А.А. Гусейнов, В.Г. Федотова и др.), которые заработали свой высокий рейтинг недюжинным талантом и десятками лет упорного труда.

Нет таких преград, которые наши российские «умельцы» не смогли бы обойти. Такой подход к профессии философа сродни плагиату и поэтому требует незамедлительной реакции со стороны философской общественности. Ниже я приведу список, в котором «умелые» коллеги из Ставрополя добились небывалых высот на философском фронте, если судить по их показателям публикационной активности (данные на середину сентября 2017 г.).

Так, на первом месте среди них находится Н.Г. Бондаренко, профессор Северо-Кавказского федерального университета (коэффициент Хирша – 36, цитируемость – 2371). Коэффициент примерно такой же, как у П.П. Гайдено, А.А. Гусейнова и В.Г. Федотовой при разнице в цитировании в 3–4 раза в пользу последних. Далее идёт С.П. Золотарев, профессор Ставропольского государственного аграрного университета (32/1137). Позади остаются Н.И. Лапин, Н.В. Мотрошилова, И.Т. Касавин, А.П. Огурцов, В.И. Аршинов, В.М. Розин и многие другие авторитетные коллеги, хотя их известность и цитируемость не поддаются сравнению.

В первую сотню «ведущих философов», если придерживаться коэффициента Хирша, входят также другие ставропольцы: И.И. Гуляк (СГАУ, 26/869), Н.Г. Гузынин (СГАУ, 25/805), Т.В. Вергун (СКСИ, 23/1642), В.И. Курчев (СГАУ, 22/593), В.Н. Гончаров (СКФУ, 19/1183), И.С. Бакланов (СКФУ, 19/831), О.А. Бакланова (СКФУ, 19/769), Н.А. Канц (СГМУ, 18/829 и др. Их показатели сопоставимы с данными П.С. Гуревича, Т.И. Ойзермана, В.Г. Буданова, Н.С. Автономовой и других известных философов.

Как же получилась так, что именно группа коллег из Ставрополя добилась столь высоких показателей, сопоставимых с данными ведущими философами России? Лично у меня сложилось впечатление, что эти коллеги, чтобы искусственно повысить себе коэффициент Хирша и другие показатели, вступили между собой в своеобразный «сговор», взаимно цитируя и продвигая друг друга. При этом они имеют незначительное число цитирований (как правило, около или чуть более 1000). Я ничего не знаю также об их личном вкладе в развитие отечественной философии, практически не видел их монографии и другие труды, способные произвести на читателей такое сильное впечатление. Но это моё личное мнение и я могу ошибаться.

Как к этому относиться, решит сообщество. Уверен, что подобные явления не должны остаться незамеченными. Почему именно Ставрополь? Наверное, на этом месте мог бы быть и другой город. Просто там оказались «умелые» люди, которые быстро освоили слабые места РИНЦ.

О том, как можно обходить формальные барьеры и добиваться высоких научных показателей, а также вообще о парадоксах научной этики, мы еще поговорим на заседании редколлегии журнала. Вполне возможно, что редакции нашего журнала придётся выработать определенный подход к такого рода фактам.

Таким образом, до сих пор мы имели дело с отдельными случаями плагиата, а теперь натолкнулись на другую, куда более сложную аномалию научно-образовательного пространства, которая вольно или невольно вызвана действиями менеджеров науки по имитации бурной научной активности и увеличения объема отчетности. Если они и дальше будут так бездумно воспроизводить западные системы оценки научных результатов, то мы получим ещё и не таких виртуальных монстров.

В целом я рассматриваю данный опрос экспертов как весьма продуктивную попытку оценить современное состояние отечественной философии по ряду значимых критериев. Хочу поблагодарить коллег за их взвешенную профессиональную и гражданскую позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1974. — 452 с.
2. Кузьмин А.А. Критика рефлексивного разума. — Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1998. — 185 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. — Ч. 1. — М.: Изд-во полит. литературы, 1968.
4. Розин В.М. Возобновление методологии. — М., URSS, 2017. — 384 с.
5. Розин В.М. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. — М.: Издательство «Институт развития им. Г.П. Шедровицкого», 2011. — 496 с.
6. Розин В.М. Природа. Понятие и этапы развития в европейской культуре. — М.: URSS, 2017. — 240 с.
7. Розин В.М. Становление и особенности социальных институтов. — М.: Либроком, 2013. — 154 с.
8. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. — 2013. — № 19. — С. 239-275.
9. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. — М.: Праксис, 2002. — 384 с.
10. Шедровицкий Г.П. Избранные труды. — М., Шк. Культ. полит., 1995. — 800 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Gegel G. Entsiklopediya filosofskikh nauk: V 3 t. T. 1. — M.: Mysl, 1974. — 452 s.
2. Kuzmin A.A. Kritika refleksivnogo razuma. — Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 1998. — 185 s.
3. Marks K., Engels F. Soch. T. 46. — Ch. 1. — M.: Izd-vo polit. literatury, 1968.
4. Rozin V.M. Vozobnovlenie metodologii. — M., URSS, 2017. — 384 s.
5. Rozin V.M. Nauchnye issledovaniya i skhemy v Moskovskom metodologicheskom kruzhe. — M.: Izdatelstvo «Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovitskogo», 2011. — 496 s.
6. Rozin V.M. Priroda. Ponyatie i etapy razvitiya v evropeyskoy kulture. — M.: URSS, 2017. — 240 s.
7. Rozin V.M. Stanovlenie i osobennosti sotsialnykh institutov. — M.: Librokom, 2013. — 154 s.
8. Sokolov M., Titaev K. Provintsialnaya i tuzemnaya nauka // Antropologicheskii forum. — 2013. — № 19. — S. 239-275.
9. Fuko M. Intellektualy i vlast: Izbrannye politicheskie stati, vystupleniya i intervyyu. Ch. 2. — M.: Praksis, 2002. — 384 s.
10. Shchedrovitskiy G.P. Izbrannye trudy. — M., Shk. Kult. polit., 1995. — 800 s.

Примечания

1. Разве что русские космисты внесли некоторый вклад в натурфилософию.
2. САЕ — стратегические академические единицы. Принятое обозначение крупных инфраструктурных проектов, выступающих драйверами роста в университетах, входящих в программу Top 5-100.
3. Kuzmin, Alexander: M. Heidegger's Project for the Optical Interpretation of Reflexion: The Time, the Reflexion and the Logos. In: Tymieniecka, Anna-Teresa (Hg.): Logos of phenomenology and phenomenology of the logos. Bd. 4: The logos of scientific interrogation: participating in nature-life-sharing in life. Dordrecht: Springer, 2005 (Analecta Husserliana; 91), S. 67-80 [Heidegger, Martin # Reflexion # Zeit # Bewusstsein] https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0ahUKewi6gtnc-J7UAhjO5oKHTBmAikQFggvMAM&url=https%3A%2F%2Fwww.u-cursos.cl%2Ffilosofia%2F2008%2F2%2FFIL361020%2F1%2Fmaterial_docente%2Fbajar%3Fid_material%3D465302&usq=AFQjCNGh_TsgYWypAwycqIj97XyLacB23A.

Вопросы подготовили Ю.М. Резник и С.А. Смирнов

Поступили в редакцию 01.08.2017 г.